

Коридор затмений

Автор:

Татьяна Степанова

Коридор затмений

Татьяна Юрьевна Степанова

По следам громких дел

Дело об убийстве Анны Лаврентьевой, расследованием которого занялся полковник Гуцин вместе с Клавдием Мамонтовым и Макаром Псалтырниковым, лишь на первый взгляд имело бытовые мотивы. Как только произошло новое зверское преступление, оно в одночасье превратилось в сложную головоломку со многими неизвестными. А тут еще у маленьких дочек Макара внезапно завелся некий тайный друг – подросток Адам. Его панически боится и ненавидит собственная мать Ева, считая порождением Тьмы. Шаг за шагом полковнику Гуцину с напарниками предстоит распутать целый клубок версий, пугающих фактов и мрачных суеверий, чтобы установить истину и найти взаимосвязь между цепочкой убийств и событиями пятнадцатилетней давности, когда Адам появился на свет, а на заброшенной ГЭС силовики штурмовали зловещую секту, практиковавшую оргии и темные ритуалы...

Татьяна Степанова

Коридор затмений

© Степанова Т.Ю., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Глава 1

Покушение

Она проснулась глубокой ночью. Ее разбудил не сон, не кошмар, а уверенность, что в ее темной спальне с наглухо занавешенными окнами кто-то есть. Она всегда задергивала шторы в полнолуние, потому что огромная луна, отражавшаяся в глади озера, на берегу которого стоял их дом, не давала ей спать. Луна властно вмешивалась в ее сны, луна околдовывала ее, затягивая в морок – туда, на темное дно озера, где среди ям и коряг обитали чудовища. Так ей казалось с некоторых пор.

Во тьме она лежала, затаив дыхание, притворяясь спящей, чутко прислушивалась к каждому звуку ночи – скрип, шорох, чье-то дыхание... И этот звук...

Ее лица коснулось нечто липкое и холодное. В первую секунду она подумала – ей кажется. Сон все еще не отпустил ее, она пребывала на грани яви и бодрствования. Однако прикосновение было вполне реальным – холодное, липкое. Что-то ползло по ее голове, по волосам, по лбу, добираясь до глаз, до губ.

Она хрипло вскрикнула и рванулась с подушек, рукой сбрасывая с себя нечто нечистое, отвратительное... Включила лампу на столике у кровати и...

Она не поверила своим глазам: на подушке – черное пятно. На краю кровати у изголовья – второе черное пятно.

Это были две крупные жабы.

Электрический свет отражался в их выпученных глазах. Кожа жаб, покрытая бородавками, блестела в неярком свете лампы как лакированная.

Она дико закричала от страха.

В спальне вспыхнул верхний свет – такой яркий, что на миг она зажмурилась. Вспышка ослепила ее как молния.

А когда вновь открыла глаза, то увидела в углу спальни его.

Он стоял и смотрел на нее. Внимательно, пристально наблюдал, словно оценивая. А затем его губы тронула торжествующая улыбка. Он наслаждался ее паникой и страхом.

Он прятал руки за спиной. Он еще что-то скрывал от нее.

И внезапно...

Он шагнул к кровати, размахнулся и... Швырнул в нее тяжелый металлический совок, который они использовали для золы из камина.

Острый металлический край...

Она рухнула навзничь на постель, прямо на отвратительную жабу.

Совок с грохотом ударился о стену.

Почти теряя сознание от ужаса, чувствуя под щекой шевелящуюся жабу, царапающую лапой ей шею, она успела подумать: «На совке для камина он принес этих тварей ко мне...»

Он все рассчитал...

Он снова хочет меня убить.

Глава 2

Лаврентьева

Полковник Гуцин наклонился над телом, взялся за рукоятку ножа рукой в перчатке и осторожно потянул на себя. Нож, всаженный в горло жертвы, не поддавался.

– Удар большой силы, – констатировал полковник Гуцин. – Сквозной. Нож пробил горло, повредил шейный позвонок и... вонзился в кухонный линолеум.

Он потянул сильнее, выдернул нож. Голова мертвой женщины, припиленная к кухонному полу за шею, резко склонилась набок. Клавдий Мамонтов ощутил, как тошнота клубком подкатывает к его горлу. На кухонном полу натекла большая лужа крови, в электрическом свете она выглядела черной. Пахло кровью и... куриной лапшой. Перевернутая кастрюля, сброшенная с плиты, валялась у раковины, куриный бульон смешивался с кровью жертвы, пол усеяла лапша.

Макар Псалтырников, стараясь не наступить в лужу своими дорогими кроссовками, придвинулся к Гуцину, так и заглядываясь на выдернутый из раны нож, словно на некое невиданное чудо.

Однако нож был обычным, кухонным, для разделки мяса.

– Из ящика ножик взяли, не с собой принесли, да, Федор Матвеевич? – деловито спросил Макар.

– Ничего здесь не трогай и умолкни, – шепнул ему Клавдий Мамонтов.

Макар лишь усмехнулся. Все происходящее на месте убийства он воспринимал как великое ночное приключение.

Полковник Гуцин Макару кивнул – да, нож – орудие убийства, взятое убийцей именно с кухни жертвы. А вот насчет всего остального...

Он передал нож эксперту-криминалисту и снова обернулся к трупу. Положил руку на грудную клетку убитой, осторожно все прощупал.

– Удар ножом большой силы, – повторил он. – Нанесен, когда потерпевшая уже упала на пол и лежала навзничь. Удар наносился вот так, – он сцепил руки в замок, поднял их над головой и резко опустил. – Чтобы горло пробить и шейный позвонок ей повредить, ударить из положения стоя убийце было трудно. Поэтому, возможно, он... ладно, остальное мы в прозекторской проверим позже. При вскрытии.

Клавдий Мамонтов понял, что полковник Гуцин не желает осматривать тело женщины, задирая на ее впалой груди застиранную линялую футболку на глазах всей оперативной группы. Последняя дань уважения мертвой...

Хотя заслуживала ли жертва уважения?

Помимо запаха крови и куриного бульона на кухне витало стойкое застарелое амбре спиртного. Алкоголем разило и от трупа.

Полковник Гуцин вместе с патологоанатомом обследовали голову убитой. В темных коротко стриженных волосах с проседью – сгустки крови.

– У нее помимо ножевой раны черепно-мозговая травма, Федор Матвеевич, – сообщил патологоанатом. – Затылочная область повреждена.

– Именно от этого удара она упала на пол. – Полковник Гуцин кивнул. – Ее оглушили, напав сзади здесь, на кухне. Когда она лежала на полу, ей нанесли удар в горло ножом. Добили. Нож взяли из ящика и оставили в ране. А вот предмета, которым ее оглушили, – он внимательно оглядел кухню, – я здесь не вижу.

– Убийца забрал дубинку с собой? – спросил Макар. – Нелогично как-то.

– Молчи ты, – снова прошипел ему Клавдий Мамонтов, потому что...

Вся опергруппа, присутствующая на месте убийства, все полицейские подмосковного города Чугуногорска, взирали с великим недоверием и плохо

скрытой неприязнью на этого типа – яркого блондина – мажора, красавца в рваных джинсах и потертой модной косухе дорогого бренда, которого полковник Гуцин привез с собой на осмотр места происшествия.

Первое столкновение «на почве Макара» произошло почти сразу, как только они вдвоем приехали в Чугуногорск, куда полковник Гуцин после долгого перерыва в оперативной работе «на земле» выехал на ночь глядя на «бытовое убийство». Во дворе дома жертвы – восьмиэтажки сталинской постройки – их остановили патрульные ППС, не позволяя пройти в подъезд. Клавдия Мамонтова пропустить соглашались, как сотрудника полиции, а вот Макара – нет. А он кто такой? Гражданское лицо? И не здешний житель?

Их обоих пропустили лишь после личного звонка Гуцина – и у квартиры жертвы их встретил начальник Чугуногорского отдела полиции в крайне раздраженном состоянии.

– Ты прикомандированный из Бронниц, – грубо бросил он Клавдию Мамонтову, хотя видел его впервые. – Ладно, пусть. Но это что за личность с тобой?

– Мой внештатный сотрудник, мой помощник, – ответил за Мамонтова вышедший из квартиры на площадку к лифту полковник Гуцин. – Он в группе по моему разрешению.

– Нарушение правил, – отрезал начальник полиции Чугуногорска.

– Вы начнете мне, начальнику криминального управления и замначальника областного Главка, читать нотации о правилах службы или станете выполнять мои приказы и свои прямые обязанности по организации на местном уровне раскрытия убийства по горячим следам? – холодно, надменно осведомился полковник Гуцин. – С кем работать мне, я сам решу, без ваших советов. И пожеливее. Ясно?

– Так точно, – во взоре чугуногорского начальника полиции мелькнула неприкрытая злость.

Клавдий Мамонтов ждал, чем закончится перепалка. Да, с Гуциным тягаться местный начальник полиции не мог – мало того, что полковник Гуцин – шеф криминального управления, он теперь после тяжело перенесенного ковида

и ранения еще и зам. начальника Главка по совместительству. Что ж, судя по выражению лица местного начальника полиции, не рискуя открытым столкновением, он, не откладывая, накатает на Гущина тайный рапорт-донос.

– Предмет, которым потерпевшую ударили сзади по голове, убийца забрал, – Гущин продолжал внимательно оглядывать кухню. – На эту деталь стоит обратить особое внимание.

Клавдий Мамонтов тоже внимательно осматривался по сторонам. Кухня самая обычная – небогатая, ни ремонта продвинутого, ни порядка. Все захламлено. Мебель кухонная обшарпанная. Холодильник весь в наклейках. Затертые сиденья стульев с пятнами жира. Старые нечищенные кастрюли и сковородки.

Однако кухня с высоким потолком и весьма просторная. И две другие комнаты квартиры тоже просторные, хотя и захламленные, пыльные, неубранные. В большей по размеру комнате раскладной диван, стенка сорокалетней давности, телевизор, женские вещи разбросаны в беспорядке. Другая комната – тоже с продавленным раскладным диваном, письменным столом, постерами музыкальных групп на стенах. В квартире некогда обитали двое.

– Лаврентьева Анна Сергеевна, – полковник Гущин читал переданный ему оперативником паспорт хозяйки квартиры, который обнаружился в шкафу. – Пятьдесят восемь лет ей. Вчера был ее день рождения, кстати, судя по паспорту.

Он распахнул холодильник. Полупустой – десяток яиц в коробке, хлебница, упаковка сметаны, сковородка с толстым слоем жира. Сковородку не стали даже мыть, готовясь пожарить на старом жире что-то еще – картошку, яичницу... Сунули в холодильник. Однако кое-что хранилось в избытке – банки дешевого пива и две бутылки водки.

Макар нагнулся, извлек стоявшие между раковиной и холодильником три бутылки очень дорогого джина и бутылку марочного коньяка.

– Однако. – Он показал находку Гущину. – Вот на чем она точно не сэкономила.

Полковник Гущин задумчиво сравнивал дешевое пиво, засунутое Анной Лаврентьевой в холодильник, и дорогой джин и коньяк.

– Интересно, – заметил он. – Ну ладно, проясним... потом... позже... А где ее мобильный?

– Пока мы его не нашли, – откликнулся кто-то из криминалистов, работавших в комнатах квартиры.

Клавдий Мамонтов видел – Гущин о чем-то думает. Бутылки, найденные Макаром, его явно озадачили. Хотя почему? Что мешало женщине-алкоголичке экономить на всем, в том числе и на еде, но позволять себе марочный коньяк и дорогущий джин?

Клавдий Мамонтов снова взглянул на распростертую на полу убитую Анну Сергеевну Лаврентьеву пятидесяти восьми лет. Приземистая, невысокая, широкобедрая, жилистая, темноволосая. По виду ее вроде не скажешь, что она тайком дома пьет. Хотя сейчас утверждать подобное трудно, глядя на бездыханный труп. Но женщин-алкоголичек видно с первого взгляда, вроде как... или нет? Или он таковых не встречал в своей жизни?

Лаврентьева была одета по-домашнему – старые спортивные штаны и застиранная футболка. На ногах – тапочки. Когда она упала на пол, они отлетели к раковине.

На лице застыла гримаса боли. В вытаращенных широко открытых глазах – ужас. Видимо, перед ударом ножом в горло она пришла в сознание, несмотря на рану на голове. Она видела нож в руках своего убийцы.

Подбородок густо измазан кровью. На горле зияющая страшная рана.

– Давность смерти пять-шесть часов, судя по состоянию тела, – сообщил патологоанатом.

Макар глянул на наручные часы – одиннадцать вечера.

– Ее убили где-то после пяти часов вечера, точнее скажу при вскрытии. Я труп забираю в морг, у меня как раз окно свободное сегодня на дежурстве. Так что милости прошу, Федор Матвеевич, ко мне в прозекторскую на всю ночь. – Патологоанатом профессионально шутил, осматривал кисти рук убитой. –

Признаки борьбы с нападавшим отсутствуют. Она не сопротивлялась.

Полковник Гущин из кухни по коридору направился к входной двери. Макар следовал за ним по пятам как пришпиленный. Клавдий Мамонтов тоже пошел.

– Федор Матвеевич, два замка и задвижка. И еще цепочка накидная, – все тем же деловитым тоном сообщил Макар Гущину и всей опергруппе Чугуногорска, словно они были глупые и слепые.

– Никаких следов взлома. – Гущин осмотрел стандартную «железную» дверь квартиры. – Она сама открыла, впустила своего убийцу.

Да, все чисто, никакого взлома. А это означает... Клавдий Мамонтов наблюдал, как эксперты обрабатывают дверь, ручку и дверную коробку реагентами.

– Кто ее обнаружил? Кто вызвал полицию? – спросил Гущин.

– Ее сын Алексей Лаврентьев, – ответил начальник Чугуногорского отдела полиции. – Мы его пока не опрашивали, но задержали до выяснения. Он внизу в патрульной машине с нашими сотрудниками.

– Пригласите его сюда, пусть они поднимутся в квартиру, – распорядился полковник Гущин. – Я сам с ним поговорю. И займитесь соседями.

Квартира Лаврентьевой располагалась на втором этаже. Окна выходили во двор, через который можно было попасть прямо на главную площадь городка – к супермаркету и закрытому кинотеатру. За окнами – ночь. Скупой свет фонарей.

Глава 3

Тот, кто обнаружил труп

– Иногда они возвращаются, – шепнул Макар Клавдию Мамонтову, пока они ждали, когда оперативники приведут сына Лаврентьевой в квартиру. – На место

убийства. Потому что им кажется, что они что-то позабыли, какую-то важную улику, которую надо забрать. Или же чтобы их ДНК появилось на месте убийства для запутывания расследования. Поэтому они возвращаются и разыгрывают из себя того, кто первым обнаружил труп.

– Они семья, мать и сын, он бывал здесь, его ДНК и так есть в квартире, – тоже шепотом ответил Клавдий Мамонтов неугомонному другу-всезнайке. – Гуцин не потому так поступает. Обычно подобного не делают – свидетелей и родственников на место убийства не допускают. А наш правила нарушает специально.

– Зачем?

– Он сам хочет посмотреть его реакцию. Публичную реакцию сына на убитую мать – в присутствии всей опергруппы.

Сын Анны Лаврентьевой Алексей оказался внешне ничем не примечательным молодым человеком. Самым обычным, каких немало. Лет двадцати восьми, худой, высокий.

– Мама...

Он сразу ринулся к трупу, вокруг которого уже хлопотали эксперты, упаковывая его в пластиковый мешок. Лицо его исказила гримаса. Боль... да, ее было в избытке. Но Клавдию Мамонтову, внимательно наблюдавшему за парнем, показалось, что кроме боли присутствовало и нечто еще – тщательно скрытое любопытство, смятение, страх и... облегчение.

Полковник Гуцин наблюдал за реакцией, он сразу преградил парню дорогу:

– Считаем, что вы ее официально опознали. Это ваша мать Анна Сергеевна Лаврентьева?

– Да... она... мама... Я же ее нашел здесь. Я сразу позвонил в полицию, – фальцет Алексея Лаврентьева дребезжал.

– Пройдемте в вашу комнату, – предложил Гуцин и под неодобрительными взглядами чугуногорских полицейских демонстративно кивнул Мамонтову и Макару: за мной.

Они оставили экспертов-криминалистов заканчивать осмотр.

– Что произошло? – спросил полковник Гуцин Лаврентьева, плотно закрывая дверь в комнату, чтобы им не мешали. – Я так понимаю, вы с матерью в данный момент не живете?

– Нет. Мы с женой снимаем квартиру в Жуковском. К матери я заезжал время от времени. Мама... я никак в себя не могу прийти... что же это? Грабитель? Вор?! Но когда я вошел, вроде все было в порядке в прихожей и в комнатах, а вот на кухне... Мама...

Мама... Он повторял снова и снова и с разными интонациями. Отчаяние... боль... Искренние или наигранные? Клавдий Мамонтов затруднялся определить. Макар мог бы помочь – он актер по жизни и чутко улавливает эмоциональную фальшь. Однако Макар сосредоточенно молчал, слушал, смотрел.

– Итак, признаков ограбления вы не увидели. Но, может, все же из квартиры что-то пропало? Что-то ценное? Вы не смотрели, не проверяли? – осведомился Гуцин.

– Я ничего не проверял. Я вообще боялся что-либо трогать. Я сразу позвонил в полицию. Потом жене... Даше позвонил. Она позже приехала, но ваши сотрудники даже не позволили нам поговорить.

– Таковы правила. Вы открыли дверь своим ключом? – продолжал спрашивать Гуцин.

– Конечно, у меня ключи, это же и моя квартира тоже. Я весь день звонил матери... то есть маме... Она не отвечала. И я начал волноваться – мало ли... Решил приехать.

Лаврентьев произнес слова «мать» и «мама» разным тоном – первое почти безразличным, а вот затем словно спохватился, добавил горечи в интонацию.

- Ваша мать чем-то болела? Раз вы встревожились?

- Нет, она не болела.

- Она пила? - прямо спросил полковник Гуцин.

Парень глянул на него и вспыхнул.

- Нет, нет, что вы... с какой стати? Как это пила?

- Злоупотребляла алкоголем?

- Нет. Да нет же.

Сын защищал мать.

- Разрешите ваш мобильный посмотреть, - полковник Гуцин протянул руку.

Парень достал из кармана джинсов смартфон и протянул его Гуцину.

- Пожалуйста, у меня нет пароля. Смотрите. Вот мои звонки матери.

Макар через плечо Гуцина тоже заглянул.

- Пять раз звонили вы ей сегодня. И поздно вечером решили приехать. После работы? Как освободились? - уточнил Гуцин.

- Я сейчас временно не работаю. Наш магазин закрылся.

- Магазин чего, где?

- В торговом центре в Жуковском, магазин спорттоваров.

- А ваша жена работает?

- Нет. Тоже потеряла работу. Их бутик владелец закрыл, обанкротился. Там же, в торговом центре.

- То есть вы оба сейчас безработные?

- Да. - Лаврентьев опустил голову.

- И снимаете квартиру... А чего с матерью не хотели жить в таких обстоятельствах? Все экономия средств, а квартира ваша просторная, всем места бы хватило, - полковник Гуцин задавал свои вопросы спокойно, житейски.

- Квартира деда и бабки, наше наследство. А мы с женой всегда желали жить отдельно. С матерью... с мамой было непросто Даше сосуществовать.

- Свекровь и невестка?

- Типа того, - Лаврентьев отвечал нехотя.

- На что жила ваша мать? Где и кем она работала?

- На складе медоборудования для сети зубных клиник в Жуковском, она ездила на электричке. Склад круглосуточный и график удобный - сутки дежурила и двое отдыхала.

«Сутки работала и двое пила втихаря дома», - подумал Клавдий Мамонтов.

- Судя по всему, ваша мать сама впустила своего убийцу в квартиру, - заметил полковник Гуцин. - Она была столь доверчивой? Всем дверь открывала?

- Нет, что вы. Она даже газовщиков порой отказывалась пускать! Она так просто людям не верила.

- Ну, тогда, значит, убийцу она хорошо знала и не боялась его. - Гуцин внимательно смотрел на парня. - Логично, правда? Мы станем проверять весь круг ее знакомых, друзей и родственников.

- У матери нет друзей. И подруг тоже.

- С мужчинами она встречалась?

- Она же пожилая!

Полковник Гуцин, который сам был моложе потерпевшей всего на два года, хмыкнул:

- Мда... ясно с этим. Ну а ваши родственники?

- У нас есть только тетка Женя. Двоюродная сестра матери. Евгения Лаврентьева, она живет в Бронницах на озере, ей муж бывший дом хороший оставил после смерти.

- Адрес, пожалуйста, - попросил полковник Гуцин.

Лаврентьев продиктовал, и Клавдий Мамонтов записал в свой смартфон.

- Осмотритесь в комнате - все на месте? - спросил Гуцин.

Парень огляделся - нехотя, словно бы... и кивнул.

- Пройдите в другую комнату, в прихожую, - Гуцин открыл дверь и кивнул оперативнику. - Все тоже внимательно проверьте - все ли на месте? И кстати... где телефон вашей матери?

- Что? - парень обернулся. - Мобильный? От городского она давно отказалась, чтобы не платить. Я не знаю... а что, мобилы нет?

- Нет. Но он ведь был - вы ей звонили. И телефон не отвечал.

Лаврентьев пожал плечами.

Комнату матери он осмотрел опять как бы нехотя - в присутствии полицейских - и сообщил, что «вроде ничего не пропало».

Когда его увели из квартиры – Гущин распорядился, чтобы он пока ждал в полицейской машине на улице, – оперативники, производившие обыск, показали то, что нашли сами, – портмоне Лаврентьевой с пятью тысячами и картой Сбербанка. Кроме того, в шкафу среди постельного белья они нашли косметичку, а в ней перетянутые резинкой пачки денег – в одной двести тысяч и в другой пятьдесят тысяч. В серванте под стопкой тарелок обнаружилась еще одна перетянутая резинкой пачка купюр – пятьдесят тысяч.

Клавдий Мамонтов счел это сбережениями Анны Лаврентьевой «на черный день». А полковник Гущин распорядился обработать купюры на предмет обнаружения дактилоскопии.

– Мне здесь надо закончить с осмотром, – объявил он Клавдию Мамонтову и Макару. – Спуститесь вниз и переговорите с женой Лаврентьева. Клавдий, включишь видеосвязь для меня, чтобы я был в курсе, чего она там покажет. И потом плотно займемся соседями.

Клавдий Мамонтов снова достал смартфон. Так, по «видеосвязи», они уже прежде работали с полковником Гущиным, который тяжело, почти смертельно переболел, никак не мог преодолеть свой «постковидный синдром» и страх заразиться снова. Для преодоления того страха потребовались радикальные меры – фактически Гущин добровольно пошел на то, чтобы пожертвовать собой, своей жизнью. Он спас дочку Макара Августу[1 - Подробно об этом рассказано в романе Т. Степановой «Перекресток трех дорог»]. Но преодолел ли он свой внутренний страх до конца? Этот сложный вопрос Клавдий Мамонтов пока еще для себя не решил.

Глава 4

Жена и соседи

– Мой муж весь день находился со мной дома. Мы сейчас временно оба не работаем, – объявила Макару и Клавдию Мамонтову, включившему видеозвонок для полковника Гущина на смартфоне, жена Лаврентьева Дарья.

По возрасту моложе Алексея Лаврентьева – этакая фигуристая кубышечка-дюймовочка с распущенными светлыми густыми волосами. На ее ухоженном личике читалась тревога, страх и... еще какое-то очень сложное выражение. Облегчение? Как и у мужа, когда оперативники привели его на кухню. Дарью оперативники попросили ждать в полицейской машине отдельно от мужа, и она то и дело бросала в сторону полицейского фургона, куда вернули Алексея Лаврентьева, быстрые красноречивые взгляды.

– Так весь день дома и сидели оба? Погода хорошая, май. Правда, холодный выдался, – светски заметил Макар.

– Вышли прогуляться на полчаса, но это днем. Муж звонил матери, но она не брала трубку, – ответила Дарья быстро и заученно. – Он звонил ей несколько раз.

– Тревожился о ее состоянии. – Клавдий Мамонтов понимающе кивнул. – Трезвая она или уже нет, да?

– Да... то есть нет... Ну, короче, да. – Дарья кивнула. – Она порой напивалась, когда у нее выходной. Леша беспокоился. Пьяная могла и газ открыть, и еще черт знает что сделать. Навредить квартире.

– Ее убили жестоко, – сказал Макар, глядя на молодую женщину.

– Ох, да... ужасно... Когда он мне позвонил и сообщил, я прямо так и села. То есть чуть не упала. Не знала, что и сказать, все слова растеряла. А он мне: «Звони риелтору, отменяй все. Пусть он вообще больше не звонит нам, не возникает, исчезнет...»

– Риелтор? – переспросил Клавдий Мамонтов, прибавляя громкости в смартфоне, чтобы полковник Гуцин, занятый в квартире, тоже ничего не упустил.

– Детка, какой еще риелтор? – мягко поинтересовался Макар.

– Нет, нет, это вообще к делу не относится... это я так. – Пухлые щечки Дарьи вспыхнули. Она закусила нижнюю губу.

– Риелтор, недвижимость... ассоциация прямая... свекровь – пьянь, живет одна в неплохой квартире, только запущенной, но все равно недвижимость денег стоит, – рассуждал Макар все так же мягко. – А вы квартиру снимаете и работу потеряли оба. Чем платить в следующем месяце за съем? Квартиру ведь можно продать – и купить две однушки... Для этого риелторы и существуют.

– Да нет же! – воскликнула Дарья. – Я просто оговорилась.

– Ну да, а когда хозяйка квартиры отправлена на тот свет, и риелтор уже не нужен, наследник получает все, сын после матери, – закончил Макар уже иным тоном.

– Вы на что намекаете? – Дарья выпрямилась.

– На то, что вы, возможно, создаете своему мужу алиби, утверждая, что он весь день находился с вами, а не ездил во второй половине дня в Чугуногорск к себе домой.

– Да пошел ты! – Дарья круто обернулась к Макару. – Муж мой был со мной, я и в суде поклянусь. Может, и правда, что мамаша его была редкая сука – жадная и злая. Вы, полиция, конечно, выясните потом, какая она была на самом деле. Но Лешка ее не убивал!

– А кто говорит, что ваш муж убийца? – спросил Клавдий Мамонтов.

Она лишь глянула на него исподлобья. Тяжелый взгляд... неприязнь, если не скрытая ненависть.

– Так когда муж уехал в Чугуногорск? – уточнил Клавдий Мамонтов.

– В начале десятого вечера, на автобусе рейсовом, – холодно ответила Дарья. – Захотел проверить, все ли в порядке в квартире с мамашей-пьяницей. А через час он позвонил мне и... Она была уже мертвая там... дома.

Полковник Гуцин по видеосвязи допрос жены никак не прокомментировал. Попросил подняться на третий этаж – переговорить с жильцами квартиры, расположенной над квартирой Лаврентьевой. Когда они вернулись в подъезд,

Макар сказал, адресуясь к смартфону Клавдия:

– Федор Матвеевич, а вы заметили в телефоне сына сегодняшние звонки? Пять звонков. И там еще есть на ее же номер – только трехдневной давности. А вчера, как вы нам сказали, у Анны Лаврентьевой был день рождения. Так вот в день рождения сынок ей не звонил.

– Спасибо, Макар, я внимания не обратил, – ответил Гуцин. – Зоркий ты парень. Да, интересная деталь, тоже в копилку.

На третьем этаже Клавдия и Макара свидетели ничем особенным не порадовали. В квартире проживала лежащая больная старуха, которой сердобольные родственники наняли сиделку – узбечку. В квартире находился и ее муж – гастарбайтер. Он вернулся с работы поздно и вообще ничего не мог сказать. Сиделка по-русски говорила плохо, выглядела крайне обеспокоенной, все время пыталась кое-как объяснить, что у мужа ее есть патент на работу, а вот она «свой еще оформлять». Клавдий Мамонтов с трудом ее разговорил – она поведала, что живут они в квартире больной старухи, не платя за съем, в счет оплаты идет ее уход за больной – такой уговор у нее с родственниками. И что про жильцов дома она вообще ничего не знает, не интересуется делами посторонних и никуда не лезет.

– Но, может быть, вы что-то слышали днем? – спросил Клавдий Мамонтов. – Крики в квартире внизу, шум борьбы, стук, грохот?

– Нет, я не слышать. Я с бабка заняться круглый день. Не поесть даже. Бабка под себя все. Я убирать за ней. – Сиделка трясла темноволосой головой. – А грохот... упасть что-то... я не знаю. Я думать, это на улице.

– Когда вы услышали грохот? Во сколько?

– Я не знать. После как я бабка мыть и памперс менять.

Когда они покинули верхнюю квартиру и спустились на второй этаж, на площадке их встретил полковник Гуцин. Из квартиры напротив по приглашению оперативников вышли соседи – муж и жена, оба средних лет, приличные на вид люди, интеллигентные. Они вернулись домой с работы из Жуковского лишь в десятом часу, когда Алексей Лаврентьев уже вызвал полицию, и о том, что

днем творилось в соседней квартире, сказать ничего не могли. Но это были единственные соседи на этаже – две остальные квартиры пустовали, их хозяева – пенсионеры – с начала мая переехали на дачи.

– Ее убили? – испуганно спросила соседка. – Ограбление?

– Не похоже, – доверительно ответил ей полковник Гуцин. – Ничего ценного из квартиры не пропало.

– А кто же тогда убил? Сын? – ахнула соседка.

– Марина, молчи, не наше дело сплетни собирать, – сухо оборвал ее муж.

– Не сплетни, а факты. Все на наших глазах тогда произошло, – парировала соседка тревожно. – Так это сын ее убил?

– Идет следствие, все версии проверяются. – Полковник Гуцин пожал плечами. – А что случилось на ваших глазах? Какие такие факты?

– У них последние месяцы постоянно шли скандалы из-за квартиры, – ответила соседка. – Через их дверь все слышно – как они орали, когда он приезжал. Ссорились и раньше, когда он женился, – он ведь новобрачную сначала домой привел, к матери, но они и двух недель не прожили, уехали. И он стал очень редко бывать, мы с мужем его почти не видели. Но потом месяца два назад он снова появился здесь – я с ним в подъезде не раз сталкивалась вечером. Один раз он приехал с какой-то женщиной на машине.

– С женщиной на машине? – уточнил Гуцин. Клавдий Мамонтов и Макар внимательно слушали.

– Я подумала – новая, что ли, у него пассия? Но это оказалась риелтор. Соседка Аня их и на порог не пустила, дверь им не открыла. Они орали друг на друга с сыном через дверь. Я так поняла, сын уже покупателей нашел на квартиру, ну, чтобы разъехаться им окончательно. А соседка наша ни в какую. Такой скандалище...

– Она ведь злоупотребляла алкоголем? – спросил Гуцин.

- Она порой позволяла себе лишнее, - сухо ответил ему супруг болтливой соседки. - Чтобы в стельку пьяная или падала, такого мы с женой не замечали. Мало ли какие у людей обстоятельства. Люди не с радости пьют, с горя. Она работала. А что она дома делала в свои выходные - не наше дело.

- Ну да, а ты вспомни, что тут творилось месяц назад, - раздраженно перебила его жена.

- Что творилось? - полковник Гущин выказывал живейший интерес к ее показаниям.

- Да то, что мы с мужем хотели полицию вызывать, только... уж пожалели их... чтобы не позорить... потому что он кровь вытер и уехал сразу...

- Кровь? Кто? - встрял в разговор неугомонный Макар.

- Сынок, - соседка окинула его взглядом. - Уже после приезда риелтора все случилось. Сынок Леша снова появился у матери, и они опять орали друг на друга. А потом мы слышим - они орут уже на лестничной клетке. Она его буквально вытолкала из квартиры. Она была пьяная и злая как мегера. Мы с мужем открыли дверь - она даже не отреагировала на нас, не утихомирилась. Напротив, схватила сына за куртку и... Да что же ты молчишь! - соседка обернулась к мужу. - Скажи им все. Это ведь ты их разнял. А то она бы его точно убила!

- Они конфликтовали, то есть фактически они подрались. - Сосед тяжело вздохнул. - Причем это Анна напала на него, а парень лишь защищался. Он ее даже не ударил ни разу - я свидетель. Он руками от нее закрывался. А она схватила его за одежду и...

- Что? - спросил полковник Гущин.

- Она била его остервенело головой об стену. Кричала: «Ты меня ради своей проститутки нищей хочешь сделать бомжом, квартиру спустить ради своей шлюхи... Меня, мать, ты обездолить, разорить хочешь...» И матом его, и по-всякому: «Подонки, уроды...» Столько ненависти... А ведь это мать и сын, родные люди. Так сказать, традиционные семейные наши ценности.

– Вы их разняли?

– Я ее схватил за плечи и оттащил от него. А парень бегом вниз по лестнице, кровь из носа у него хлестала, она ему до этого нос разбила кулаком. А на наших глазах головой об стену...

Головой об стену... Клавдий Мамонтов вспомнил слова эксперта – черепно-мозговая травма Лаврентьевой, удар сзади по затылку. Но нигде в квартире – ни в комнатах, ни в коридоре, ни на кухне на стенах – нет кровавых пятен. Только на полу лужа крови. Убийца не бил Лаврентьеву головой об стену. Оглушил каким-то предметом, которого на месте происшествия сейчас нет. Почему? Не потому ли, что он мог как-то выдать убийцу, указать прямо на него?

Глава 5

Два мандалорца и карапузы

Несколькими часами ранее

В десять вечера Клавдий Мамонтов на своем старом внедорожнике подъехал к воротам дома на Бельском озере и открыл их с пульта. По парковой аллее медленно катил к особняку, построенному еще покойным отцом Макара Псалтырникова. Макар в начале мая со всем своим немалым семейством – тремя маленькими детьми, старой гувернанткой Верой Павловной и верной горничной Машей – перебрался сюда из Москвы на лето и осень.

Спустя неделю ему пришлось срочно уехать самому – в Петербурге во время судебного процесса скончался семейный адвокат семьи Псалтырниковых. Старика хватил инфаркт. По завещанию он желал, чтобы его похоронили в Иерусалиме, где жила его многочисленная родня. Макар отправился сначала в Петербург, взяв организацию похорон на себя, затем на арендованном частном самолете улетел с прахом покойного в Тель-Авив и в Иерусалим. Дома он отсутствовал семь дней. И все эти дни Клавдий Мамонтов, по-прежнему обитавший на родительской профессорской даче в подмосковных Бронницах, где он служил в местной полиции, каждый вечер приезжал к Макару в поместье

и оставался там ночевать – дети, старуха-гувернантка и горничная нуждались в защите в большом пустом доме на берегу озера.

Вот и сегодня, когда уже почти стемнело, он позвонил во входную дверь – ему открыла горничная Маша. Она еще больше расплелась. В ее пятьдесят с лишним лет высокий статный Клавдий Мамонтов действовал на нее так, что она вспыхивала словно девочка, конфузилась, все пересаливала, роняла тарелки на пол, мчалась на кухню и начинала фанатично месить тесто для пирогов, выпекая их в огромном количестве – и сдобы, и плюшки, и английские мясные пироги с почками, и русские кулебяки. Клавдий Мамонтов мучного не любил, но вида не показывал. Чего не сделаешь для влюбленной женщины, перешагнувшей свой пятый десяток?

В холл навстречу Клавдию из гостиной выбежали дочери Макара: младшая Лидочка и старшая Августа, они еще не легли спать, хотя уже облачились в пижамы. Обе они подросли. Он нагнулся и обнял девчонок. Лидочка, делавшая успехи в русском языке (ее родным был английский, так как она родилась в Лондоне, когда Макар еще жил в Англии), зашептала ему что-то оживленно – он не понял – друг, prince Frog[2 - Принц лягушка (англ.)]. Августа, как всегда, молчала. Она не говорила с рождения. После трагических и страшных событий прошлого дела, когда полковник Гущин, поставив на кон свою жизнь и получив серьезное ранение, спас Августу, вся семья надеялась, что пережитый шок станет для девочки эмоциональной встряской и она начнет говорить. Так утверждала гувернантка Вера Павловна. Однако Августа не заговорила. Но она продолжала рисовать – и в планшете, и на бумаге. И ее рисунки становились все более сложными, интересными, изощренными, словно некая головоломка, ребус, загадка.

Вместе с девочками Клавдий прошел в гостиную, где его встретила Вера Павловна с маленьким сыном Макара Александром, которого Клавдий звал Сашкен. В свои год и три месяца Сашкен, кудрявый карапуз-купидон, лепетал, смеялся, однако за все время своей коротенькой жизни так ни разу и не заплакал. Чем приводил в великое восхищение полковника Федора Матвеевича Гущина – мол, кремень парень растет, это ж надо, какой характер закладывается!

Сашкен потянулся к Клавдию сразу, как увидел, расплываясь в улыбке, лепеча. Очутившись у него на руках, обнял пухлыми ручками и цепко схватил левой маленькой «клешней» Клавдия за ухо. Прижимая к себе крохотное тельце

малыша, Клавдий ощутил прилив счастья.

– Добрый вечер, Вера Павловна, – поздоровался он со старой чопорной гувернанткой, в прошлом «училкой» английского в элитной московской школе, переманенной Макаром к своим дочкам. – Маша, спасибо, я ужинать не буду, – с ходу он пресек заплывшие намерения горничной «кормить и угощать». – Я по делу срочному к Макару. А где он?

– Добрый вечер, Клавдий. Как хорошо, что вы опять приехали! Наш объявил, что он на вечернюю пробежку к озеру, – гувернантка Вера Павловна изрекла фразу неким особым тоном, хорошо понятным только ей и Клавдию. – Ну а что мы с Машей можем с ним сделать? Он взрослый человек! Он после похорон и поездки в Иерусалим в угнетенном состоянии духа пребывает. Скорбит. Клавдий, может, вы на него снова повлияете, а? Пресечете в корне!

Клавдий, держа на руках малыша Сашхена, тоже решившего поучаствовать в разговоре с громкими: «Ууууу! Уххх!» – лишь головой покачал. Оглядел гостиную. Кожаная мебель, огромное окно, за которым темнота майской ночи, рояль Макара, камин... И дыра в лофтовой кирпичной стене, некогда пробитая железным кулаком Циклопа[3 - Подробно об этом рассказано в романе Т. Степановой «Циклоп и нимфа».]... Ее так и не заделали, словно оставили как напоминание.

Дом на Бельском озере, который в оные времена воспринимался Клавдием враждебной неизведанной территорией, где случилось столько событий – ревность, любовь, убийства, отравление, теперь, по прошествии времени воспринимался им как родной дом, куда хотелось приезжать снова и снова, потому что сердце властно звало его – к Макару, ставшему ему больше чем другом, братом, к детям, к старухе-училке и втюрившейся в него на склоне лет пышке-горничной.

– Сейчас я его разыщу и мозги вправлю, пресеку в корне! Не волнуйтесь, – пообещал он Вере Павловне, передавая ей снова Сашхена, который недовольно кряхтел – он соскучился по Клавдию и не желал расставаться с ним.

Покинув дом, идя по липовой аллее к озеру, Мамонтов зорко осматривался по сторонам – темный парк, подсветка горит лишь кое-где в траве. Макара на пробежке что-то не видно. Оно и понятно...

Семейная идиллия в богатом доме на Бельском озере. Как бы не так! Все намного сложнее и печальнее.

Если дома в комнатах за прошедшую неделю в отсутствие Макара Клавдий отыскал и ликвидировал все его тайники со спрятанным спиртным, то парк он не мог весь прочесать. А Макар, как истый алкоголик, оставлял себе запасы выпивки в самых разных местах – например, в дуплах старых деревьев. Чертовы зачатки!

Макара он узрел на берегу озера. Друг его сидел в темноте в плетеном кресле за садовым столом и мечтательно созерцал полную луну, плывущую в облаках и отражающуюся в черной воде. Медитировал?

Черта с два! На столе перед ним стояла бутылка скотча. Правда, пока еще непочатая.

– Привет. Так-то ты бегаешь перед сном? – грозно спросил Клавдий, подходя.

– Клава, радость моя, привет! – Макар просиял и потрянул светлой челкой, упавшей ему на глаза. – Кого жаждала моя истерзанная душа в этот час, того судьба и послала. Черт принес тебя, Клавочка! Сие надо отметить. Жаль, стакана граненого нет. Ну, мы из горла, отпразднуем. – И он потянулся к бутылке.

Клавдий Мамонтов сразу же блокировал его поползновение своей левой. Пресек. Он видел – Макар, к счастью, пока еще трезв, не успел приложиться к скотчу.

– У меня много новостей, – сообщил Клавдий. За «Клаву» в свой адрес он обычно сразу бил в «морду как в бубен» всякого, но... только не Макара. Ему он позволял называть себя Клавой, потому что... ну, не драться же им из-за этого постоянно?

Он забрал бутылку и... швырнул ее в озеро. Макар взвыл, как волк на луну: «Уааа!» – и продолжал выть, явно корча из себя вервольфа. Он сидел в кресле в расслабленной позе и выл, выл волком, и эхо в парке и над озером подхватывало его вурдалачий вой.

– Проехали, Макар, – спокойно отреагировал Клавдий Мамонтов. – Новость первая – наш общий друг майор Денис Скворцов, прежний начальник здешнего УВД, покинул Бронницы и перевелся на службу в Читу. Ты слышишь? Уехал, бросив здесь все, только чтобы иметь каждый месяц в Чите свидания с Меланьей.

Макар оборвал свой стебный вой, глянул на друга. Его бывшая жена Меланья – красавица, отравительница – по приговору суда отбывала свой долгий срок в колонии под Читой. Туда к ней и уехал влюбленный в нее майор Скворцов.

– Безрассудный мент. – Макар снова ладонью отбросил упавшую челку с глаз. – Но к этому шло. И все для меня давно в прошлом. Тебе ли, Клава, не знать.

Клавдий Мамонтов кивнул.

– Та моя жизнь и та история закончены. Вот и смерть адвоката, друга моего отца, словно бы подвела под прошлым жирную черту. А что в настоящем... Весна, май, наш дом на озере, дочки, сын... Пока я хоронил в Иерусалиме старика, у моих принцесс завелся какой-то тайный воображаемый друг здесь. Представляешь? Лидочка что-то темнит, скрывает. Августа ее, кажется, к этому воображаемому тайному другу ревнует. Лидочка фантазирует, здесь ведь нет других мелких... Вот они с Августой и играют между собой, придумывают что-то.

– Тебе пора самому повзрослеть и осознать, что ты отец троих детей. Как в Риме говорили – *pater familia*, глава семейства, – назидательно изрек Клавдий Мамонтов. – Новость вторая. Я написал сегодня рапорт. Я ухожу из полиции. Всегда хотел уйти и служил, но... теперь все, баста. Рапорт подал на увольнение.

– И это ожидаемо. – Макар встал, подошел к другу. – Я знал, что ты рано или поздно уйдешь.

– С меня хватит.

– Ну и отлично, братан! – Макар и Клавдий ударили кулак об кулак. – И будешь теперь всегда с нами. Сам говорил – здесь жить без охраны нельзя, на меня надежды никакой. Потому что я алкаш, но притом многодетный отец.

Безалаберный и беспечный... Ты станешь нашим защитником, телохранителем моих детей и старух, надеждой нашей и опорой. Мы друзья с тобой, и я денег тьму потерял в последнее время, как и все, но платить тебе зарплату втрое больше ментовской я все еще в силах.

– Не хвались, едучи на рать, – Клавдий усмехнулся. – Мажором ты был и останешься мажором даже без бабла. Но насчет охраны – да, придется мне вами заняться. Вполне возможно, скоро начнут грабить богатые дома и угонять, разбирать на запчасти крутые тачки. Так что ты в зоне риска.

– И какая третья новость? – Макар несколько напрягся. – Объявишь мне, что ты женишься кое на ком?

Они глянули друг на друга. Соперники и враги в прошлом, а теперь почти братья, родные люди по духу, по жизни. Однако все еще... соперники...

– Я со второй новостью не закончил. Насчет того, чтобы стать вашим телохранителем семейным – есть одна загвоздка. У меня черная метка в профессии, я тебе говорил. Прежнего своего клиента я не уберег, потому и ушел в полицию. Я ушел с позором из охраны, бесславно.

– Ну а у меня бывшая жена – отравительница, и что близкие мне люди здесь творили, ты тоже знаешь отлично. – Макар вздохнул. – Так что оба мы с тобой жизнью ушибленные, Клава. Потому, наверное, нам так легко друг с другом. А в наше время, когда столько ненависти, злобы, которой мы уже нахлебались досыта, одно осознание, что у тебя есть друг верный... Клава, я порой сейчас не хочу просыпаться по утрам, ты понимаешь? Меня ничего уже в нашей резко изменившейся жизни не держит. Только мои дети. Я живу ради них. Когда совсем уж беспросветное отчаяние охватывает меня, я обращаюсь мыслями к тебе – какой ты весь из себя правильный, и благородный, и... стойкий, Клава. Я не прикалываюсь, правду говорю. И нахожу утешение, пример для подражания...

– Ты подражать никому не можешь. Ты сам по себе. Тот еще фрукт ты. – Клавдий невесело усмехнулся. – Новость третья. Мне только что звонил наш полковник Гущин.

– Федор Матвеевич? – Макар встрепенулся, ожил сразу.

– Он едет после долгого перерыва работать «на землю», раскрывать убийство. Какую-то бабу прикончили в Чугуногорске в квартире, вроде типичная бытовуха. Но Гущин едет раскрывать лично и позвонил мне. Он меня берет в опергруппу. И про тебя спрашивал: как ты, вернулся уже с земли обетованной? Я сказал: да, так он буркнул, что и тебе не мешает перестать бить баклуши. Намек понял?

– Он хочет, чтобы мы снова работали вместе, как тогда?

– Он предложил – я согласился. Он еще не знает, что я написал рапорт. Я ему не сказал. Рапорт в отделе кадров – улита едет, когда-то будет. Так что с ним я поработаю однозначно. А ты? Хочешь присоединиться?

– Конечно! Да я для Федор Матвеевича... да я все для него! После того, что он для меня сделал, после того, как вы с ним мою Августу спасли, я... Клава, поехали в Чугуногорск! Я не пьян. Я еще развязать не успел.

– Обрадовал. Знаешь, почему, на мой взгляд, наш Гущин взялся за столь банальное дело – бытовое убийство? Он просто увидел, что Чугуногорск в четверти часа езды на машине от Бронниц, где я и ты. Он по нам соскучился, понимаешь? И по детям соскучился. Он ведь, в сущности, так одинок. А болезнь и ранение, и все, что произошло с ним и с нами, заставило его по-новому взглянуть на жизнь. Он хочет быть с нами опять, Макар. Потому и взялся сам за дело, на которое прежде бы и внимания не обратил.

– Дай мне пару минут, я переоденусь, – Макар уже тащил Клавдия к дому. – На всю ночь с нашим полковником! А потом он приедет к нам и останется здесь на выходные, осчастливив и дочек, и Сашхена, и особенно Веру Павловну. Ну и пусть дело простое. Зато пораньше мы все освободимся и время на отдых у нашего командора появится.

Они в тот момент считали убийство женщины в квартире в Чугуногорске делом простым и банальным. Знали бы они только, что их ждет впереди.

Синяки

В прозекторской морга, куда они все перекочевали с места убийства, патологоанатом на их глазах осторожно освободил труп Анны Лаврентьевой от одежды. Полковник Гуцин зашел в прозекторскую, за ним последовал Макар, получивший, как и полковник, защитную маску и перчатки. А вот Клавдий Мамонтов остался снаружи и наблюдал все через стекло в стене. Не хотелось ему стоять у оцинкованного стола, оглушая себя визгом медицинской пилы.

На груди Лаврентьевой два больших круглых синяка.

- Так я и предполагал, - полковник Гуцин разглядывал гематомы.

- Убийца ее бил в грудь? - спросил Макар тихо.

- Нет. Он прижал ее к полу коленями, когда она, оглушенная, лежала навзничь. Лишь из такого положения он мог ударить ее ножом в самый центр горла. Он не перерезал ей горло, а ударил с большой силой сверху вниз, так что лезвие сзади вышло наружу и приколело несчастную к полу.

Перед внутренним взором Клавдия Мамонтова всплыла картина: он... этот парень... ее сын Алексей опускается на тело поверженной матери, надавливая коленями на ее грудь, вскормившую его во младенчестве, так сильно, что остаются багровые синяки, и вздымает над головой кухонный нож, держа его двумя руками. А она приходит в себя от боли и открывает глаза. И видит его лицо и нож, занесенный над ней. Мать и сын...

- У нее закрытая черепной-мозговая травма затылочной области, как я и определил на месте убийства. Она могла умереть и от нее, - констатировал патологоанатом, осматривая голову Лаврентьевой. - Однако смерть наступила бы не сразу. Убийца хотел вторым ударом подстраховаться - чтобы уже наверняка.

- Женщина могла нанести такие удары или только мужчина? - уточнил Гуцин.

- Вполне могла при известной сноровке и...

Полковник Гущин сквозь пластиковую маску глянул на эксперта.

– И жестокости. Остервенелости. Ярости. Но это эмпирика, не мои сферы. – Патологоанатом вздохнул. – Определенно можно теперь утверждать, что смерть наступила в промежутке между половиной пятого и шестью часами вечера. В крови потерпевшей обнаружены следы алкоголя. Средняя степень опьянения. Она была нетрезвая, когда впустила своего убийцу в дом.

– Из-за нетрезвого состояния она не оказывала убийце сопротивления? – снова уточнил полковник Гущин.

– Не думаю. Скорее всего, нападение произошло молниеносно, когда они пришли на кухню. Они вместе миновали коридор, значит...

– Она своего убийцу знала и его не опасалась. – Полковник Гущин кивнул. – Но у него в руках должен был быть какой-то предмет, которым он ее оглушил. Он не вызвал у Лаврентьевой подозрения.

– Или он спрятал его под одеждой, курткой. Ну-с, теперь глянем на ее печень. Что она нам расскажет о ее склонности к спиртному. – Патологоанатом выбрал на столе нужный инструмент.

Следующий час Клавдий Мамонтов старался не смотреть через стекло в прозекторскую. И ждал, что с минуты на минуту и сам полковник Гущин рухнет там в обморок. Но полковник Гущин, некогда и правда терявший сознание при вскрытии, после перенесенной болезни и ранения словно окреп в этом плане. Его, чудом выкарабкавшегося дважды с того света, ужасы прозекторской уже не пугали. А Макар вообще ничего такого не страшился – так и лез под руку эксперту, проявляя к его работе живейший интерес.

– Задержите сына, Федор Матвеевич? – спросил Макар, когда они в глухой ночной час покинули морг и сели в машину Клавдия Мамонтова.

– Нет, пока не время. – Гущин позвонил оперативникам в Чугуногорский УВД и приказал отпустить и Лаврентьеву, и его жену. – Он от нас никуда не денется. То, что мы имеем сейчас, – небольшое, косвенное. Надо дождаться результатов экспертиз всех улик, что обнаружили в квартире. А завтра мы с вами навестим их единственную родственницу Евгению Лаврентьеву. На нее нам надо самим

взглянуть, а? И показания ее необходимы.

Клавдий Мамонтов понял – Гущин колеблется, он не совсем уверен. С его опытом он привык не доверять ситуации, когда в отношении одного-единственного фигуранта копится уж слишком много подозрений. Его вопрос про удар ножом – могла ли женщина нанести... Он неспроста, конечно.

– Значит, завтра к их тетке, а сегодня ко мне всей нашей дружной компанией! – возвестил Макар.

Он не выказывал никаких признаков усталости или тревоги после морга и прозекторской, после той страшной кухни, где пахло кровью и куриной лапшой пополам с перегаром. Все происходящее словно взбодрило его, вытащило из черной беспросветной депрессии, в которой он пребывал.

Они на большой скорости мчались по темному шоссе, свернули на бетонку – уже в родных Бронницах. И до дома Макара на Бельском озере оставалось им совсем немного.

Как вдруг произошло это.

То, что впоследствии Клавдий Мамонтов не мог назвать иначе как дикостью.

Глава 7

Дикость

На пути к Макару в гости Клавдий Мамонтов, сидевший за рулем внедорожника, и Макар, устроившийся рядом с ним, то и дело поглядывали на полковника Гущина, расположившегося на заднем сиденье. Он задумчиво молчал всю дорогу. Клавдий Мамонтов отметил, что Гущин за время реабилитации после госпиталя, недель и месяцев, когда он, еще больной, работал в Главке в кабинете, зарывшись в служебные бумаги и не выезжая на места происшествий, даже не прибавил в весе. Его постковидная худоба стала постоянной. Он по-прежнему страдал отсутствием аппетита. Находивший

раньше в обильном застолье радость жизни и способный рассуждать о достоинствах стейков и шашлыков часами, он словно вычеркнул теперь еду и кулинарию из своих предпочтений. Но он выпивал – конечно, не так, как Макар, способный погрузиться в многодневный запой, но позволял себе рюмку коньяка, и нередко. Прежний крепкий жизнерадостный толстяк Федор Матвеевич Гуцин изменился навсегда. Теперь, если рисовать его портрет в стиле Пикассо, весь он состоял бы из острых углов и резких линий – на осунувшемся лице выдавались скулы да глаза блестели. В минуты покоя он устремлял взгляд куда-то внутрь себя, словно ища ответы на важные вопросы. Взгляд Гуцина смягчался, теплел, лишь когда он обращался к Клавдию и Макару.

Он порой учил их уму-разуму – ненавязчиво, но по-отечески строго. А Макар после событий прошлого страшного дела и спасения Гуциным маленькой Августы просто в рот глядел полковнику, считая его непререкаемым для себя авторитетом. Это своенравный самоуверенный Макар, который и отца родного в грош не ставил и вообще никогда не желал никому подчиняться!

До Бельского озера оставалось всего два километра. Они проезжали придорожный рынок стройматериалов и товаров для садоводов. Он тянулся справа от шоссе. Миновали большой павильон «Бухарский стан», который держали узбекские торговцы, потом еще несколько палаток и строений – «Свежее мясо», «Все для дачи». Слева от дороги располагалась автостоянка, дальше шли необработанные поля – пустыри и холмы.

Повинуясь знаку ограничения скорости даже в такой глухой час перед рассветом, Клавдий Мамонтов ехал мимо рынка медленно. Они поравнялись с павильоном «Восточные сладости», как вдруг...

Грохот и звон стекла.

Под колеса внедорожника метнулась фигура в черном – мелькнула в свете фар, перебегая дорогу.

Клавдий Мамонтов, чтобы не сбить безумца, резко крутанул руль вправо, съезжая в кювет к «Восточным сладостям». Макар в сердцах грубо выругался, хотел было выскочить из машины, когда внедорожник, визжа тормозами, остановился, и догнать мерзавца, едва не устроившего ДТП.

Но внезапно...

Глухое рычание... бешеный лай... В предрассветных сумерках, в желтых огнях автомобильных фар, в свете плывущей по серому небу огромной полной луны, в смешении всех этих разных оттенков наступающего утра они увидели, как из окна павильона «Восточные сладости», разбитого вдребезги, вылетают осколки стекла и две огромные лохматые пегие собаки. Два гигантских алабая.

Один пес ростом с теленка перепрыгнул прямо через капот внедорожника, второй с остервенелым лаем пересек шоссе – собаки, рыча, бросились в сторону пустыря и холмов. А по пустырю к холму мчался тот самый человек, который едва не попал под колеса машины.

Клавдий, Макар и полковник Гущин выскочили из машины.

– Они его сейчас догонят и разорвут! – крикнул Макар. – Надо что-то делать! Эй! – он заорал, стараясь отвлечь алабаев, дать возможность безрассудному идиоту, разбившему окно и выпустившему сторожевых собак павильона, взобраться на холм, на вершине которого росли старые дубы.

Они с Клавдием, крича и размахивая руками, ринулись на пустырь, Гущин сразу отстал. У них не было оружия, чтобы выстрелами отогнать собак, и Клавдий не представлял, что они сами станут делать, если алабаи набросятся на них, но они не могли не вмешаться в ситуацию.

Убегавший проворно взобрался по склону на холм, опережая алабаев на пару минут, не более. Однако он не попытался вскарабкаться на дерево. Нет! Он остановился и повернулся лицом к собакам. Те летели к нему, рыча, оскалив пасти, сверкая налитыми кровью глазами, – две машины для убийства, натасканные, чтобы рвать человеческую плоть.

– Они его загрызут! – Макар бежал к холму. – Клава, что делать? Эй ты, шизик! Лезь на дерево! – орал он, обращаясь к безумцу.

– Это не взрослый, а мальчишка, подросток! – зоркий Клавдий Мамонтов разглядел того, кого преследовали алабаи.

И точно! На вершине холма стоял подросток – уже достаточно рассвело, чтобы они могли его ясно увидеть. Светловолосый, высокий, ловкий. Капюшон черного худи упал с его головы при беге. Алабаи находились от него на расстоянии не более десяти метров, один прыжок – и собака вопьется ему в живот, сбивая с ног, а вторая перервет горло.

И тут снова произошло нечто невероятное!

Парень вытянул правую руку вперед...

Один алабай резко остановился, словно застыл на месте, а второй на бегу, не совладав с инерцией, перекувырнулся через голову и... дико взыв, начал кататься по траве. Первый попятился и побежал прочь! Второй полз по траве тоже прочь, тряся лохматой головой, рыча, скуля, потом визжа, кое-как поднялся и устремился наутек.

От неожиданности Клавдий и Макар остановились. Кроме воя собак они не слышали никаких других звуков – ни выстрела, ни хлопка. Кругом царила мертвая рассветная тишина. В пепельном свете утра парень на холме стоял несколько секунд прямо и неподвижно, глядя в их сторону. Затем он повернулся и побежал по гребню холма к лесу.

– Эй ты! Стой! – Макар опомнился первым и устремился в погоню.

Однако когда они с Клавдием подбежали к дубам – незнакомец уже спустился по склону и скрылся в лесу. Они не догнали его.

Полковник Гуцин, которому марафон по пересеченной местности дался с великим трудом, ждал их у подножия холма, задыхаясь и хватаясь за грудь.

– Что это было? – спросил Макар у него. – Федор Матвеевич, я так и не понял, хотя мы его пытались догнать... Но псы... Как он это сделал? Почему они не напали, убежали?!

Гуцин смотрел в сторону павильона и рынка – на первом этаже торгового «Бухарского стана» вспыхнул свет.

Они быстро вернулись через дорогу к машине, к «Восточным сладостям». Собачий вой оглушил их. Два алабая вертелись волчками у крыльца павильона. Трясли головами, выли, выли... Один пытался, вертясь юлой, укунить себя за хвост. Второй снова завалился на спину и катался по асфальту, потом встал – расставив лапы, он обильно мочился и выл, тьякал... На людей они не обращали никакого внимания. Они словно одновременно синхронно сошли с ума.

Разбитое окно «Восточных сладостей» зияло.

– Кондитерский магазин и склад, – определил Гушин. – Возможно, парень захотел что-то украсть, разбил окно и напоролся на собак, их заперли внутри хозяева – охранять товары. А вот что произошло дальше? Как он страшилищ отпугнул...

Он достал мобильный, чтобы вызвать к павильону патруль ППС из Бронниц, надо было зафиксировать проникновение с целью кражи, но...

Крики, шум, брань... Из «Бухарского стана» к «Восточным сладостям» бежали полуодетые люди, вооруженные палками, битами, шпателями, обрезками металлических труб. А из дальних павильонов рынка, из «Свежего мяса» и «Все для дачи», навстречу им мчались другие – тоже с палками и монтировками – человек по десять с каждой стороны. Они яростно, заполошно орали на незнакомых языках. Макар потом сказал – одни на узбекском, другие на таджикском. На Клавдия, Гушина и Макара они не обратили внимания – возможно потому, что сначала хотели разобраться друг с другом. Видимо, владельцы павильона сладостей обвиняли своих конкурентов в попытке кражи и причинения вреда собакам, а конкуренты не собирались оправдываться. То была застарелая глухая вражда и злоба, и вот она вырвалась наружу, точно пламя тлеющего пожара.

Обе группы сшиблись, и закипело жестокое, кровавое побоище. Клавдий Мамонтов ринулся разнимать дерущихся, он кричал: «Остановитесь! Прекратите! Полиция!» Кричал и Гушин, и Макар, но их никто не слушал. Клавдий разнял двух – узбека и таджика, отшвырнув их друг от друга, но у него было только две руки, и он сам схлопотал сильный удар монтировкой. Полковник Гушин звонил в Бронницы, вызывая уже не ППС, а ОМОН. Люди дрались с таким остервенением, словно намеревались уничтожить друг друга, – кричали от боли, брызгали кровью, падали на землю. Но и на земле противники били их ногами без пощады.

Полиция, воя сиренами, примчалась через четверть часа, и дерущиеся... словно муравьи, они быстро ретировались назад в свои тайные норы, бежали с места драки. Клавдий Мамонтов сумел задержать лишь двоих, схватив их за шиворот. Макар хлопотал возле поверженных, раненых – они валялись на земле со сломанными ногами, перебитыми дубинками руками, разбитыми головами. Одному выбили глаз, и он орал от боли так, что становилось страшно...

Дикость... ненависть... тьма...

Розовая майская заря занималась над рынком. Слово мокрой тряпкой повозили по небесам, размазывая и по ним свежую кровь...

Глава 8

Шрамы

К Макару утром они так и не попали. Вместо сна и отдыха у озера полковник Гуцин отправился в Бронницкий УВД, куда за ним последовал Клавдий Мамонтов, как сотрудник местной полиции, и Макар, конечно же, тоже не отстал. В Бронницах разбирались с массовой дракой мигрантов на рынке. Полиция обыскала все павильоны, однако, кроме раненых, увезенных «Скорыми», задержали не так уж много драчунов. Утром ни один из павильонов так и не открылся, а торговцы – и узбекские и таджикские – словно испарились. Из «Восточных сладостей», как выяснилось, ничего не пропало, лишь окно оказалось разбито. А вот собаки – алабаи...

Макар настаивал и просил Гуцина, чтобы собак отвезли к ветеринару на осмотр – что с ними приключилось? Гуцин соглашался, но все упиралось в хозяина – узбекского торговца. При опросе полицией он заявил, что собаки его собственность и он сам во всем разберется, а на ветклинику у него денег нет. Макар предлагал оплатить ветеринара, но полковник Гуцин сказал, что они не могут вмешиваться в решение владельца собак, потому что даже на статью «жестокое обращение с животными» происшедшее не тянуло.

Так это и осталось тайной, к великому сожалению Макара и Клавдия Мамонтова, который тоже хотел разобраться, потому что случай с собаками его не просто озадачил, но...

Он не делился с Макаром пока своими мыслями, однако перед его глазами всплывала картина – парень, подросток, вытянувший руку повелительным жестом, – абсолютно бесстрашно, непоколебимо встречающий нападающих псов, жаждущих его загрызть. И собаки – внезапно остановленные, уstraшенные словно какой-то неведомой силой. Все это на вершине холма, на фоне серого рассветного неба. Что-то зловещее и первобытное, из давних, очень давних, забытых нами, но страшных времен.

В десять утра, закончив разборки с массовой дракой и общей организацией расследования ее последствий, полковник Гущин объявил, что они отправляются к родственнице Анны Лаврентьевой – Евгении Лаврентьевой, благо она проживает совсем недалеко. Клавдий Мамонтов глянул адрес – домовладение Евгении Лаврентьевой находилось на озере, но не на Бельском, а на соседнем Старичном – небольшом водоеме, соединенном протокой-каналом с главным озером Бронниц. Сам Клавдий на Старичном озере не бывал, хотя по-прежнему с приходом весны по выходным дням плавал по Бельскому на своем каноэ.

Когда они по навигатору отыскивали нужный адрес, петляя по проселочным дорогам, оказалось, что дом за высоким забором располагается на отшибе, в окружении полей картофеля и кормовой свеклы. Дом выглядел аккуратно и солидно – двухэтажный, из светлого силикатного кирпича.

Клавдий Мамонтов позвонил в калитку. За забором – голоса.

– Нет, нет, я так спонтанно не принимаю. Я же сказала – только по записи предварительной и по предоплате, – раздался из-за забора женский голос – низкое меццо, словно виолончель, но явные нотки раздражения и досады все же слышались.

– Полиция! Откройте! – возвестил полковник Гущин. – Немедленно.

Калитка распахнулась, и они увидели полную, если не сказать толстую, женщину, закутанную в кашемировую этническую шаль в индийском стиле. Выглядела она лет на пятьдесят. На лице, несмотря на утро, переизбыток яркой

косметики. И, кроме того, на щеках угольной краской намалеваны какие-то ритуальные знаки. Черные как смоль крашенные волосы заплетены в две тонких косы, падающие на пышную грудь. Фигура женщины напоминала грушу – очень широкий таз и толстые слоноподобные ноги. Но глаза... глаза были яркие и темные – настоящие цыганские «очи черные».

– Ох, полиция... да... простите, я решила, клиент ломится без записи с утра пораньше. Аня, моя Аня бедная... Лешка звонил вчера поздно ночью, сказал мне, что ее убили... Я все глаза выплакала, такое горе горькое. – Евгения Лаврентьева – а это была она – произносила фразы медленно, изменившимся тоном, однако лишенным особой скорби по двоюродной сестре. – Пожалуйста, проходите. Это полиция к нам!

Она крикнула громко...

У дома стоял черный «Лексус» – возле него двое мужчин крепкого телосложения в костюмах, по виду явные телохранители. Завидев Гущина, Макара и Клавдия Мамонтова, они молча ринулись в дом и... через пять минут показались с третьим. Субъекта они вели под руки, чуть ли не волочили, а он мотал головой, что-то пьяно орал, упирался, вырывался. Щеголял он лишь в стильном мужском кимоно, и было видно, что под ним он абсолютно голый. Перегаром от него разило за версту.

Клавдий Мамонтов внезапно понял, что видит перед собой известного актера, мелькавшего прежде во многих сериалах. Полковник Гущин сериалы не смотрел, поэтому спросил:

– Кто такие?

– Мой клиент и его охрана, – ответила Евгения Лаврентьева. – Я занимаюсь купированием запоев, практикую методы древней медицины. У меня есть патент на лечение гомеопатией. Уезжайте! Я сейчас не могу заниматься лечением по личным обстоятельствам, – властно приказала она охранникам.

Те запихали пьяного актера в «Лексус» и, открыв ворота, мгновенно уехали – видимо, тоже не хотели связываться с полицией. Полковник Гущин им не препятствовал. Он официально представился Евгении Лаврентьевой, закрывшей ворота, и заметил:

– Похвально найти в себе силы заниматься делом во время семейной трагедии. Нам надо с вами, Евгения...

– Стальевна. Мой покойный отец носил имя Сталь.

– ...Евгения Стальевна, с вами побеседовать о вашей двоюродной сестре и ее сыне.

– Прошу. – Евгения Лаврентьева указала на дешевые садовые кресла в кустах.

Клавдий Мамонтов понял – она не пускает их в дом, а у них пока нет власти зайти туда без ее приглашения. Макар внимательно созерцал эксцентричную особу с косами. Он глядел на ее полные руки в браслетах-оберегах. При движении тело Евгении колыхалось. Когда она усаживалась в кресло, шаль разошлась. Под шалью оказались пестрая этническая туника с короткими рукавами и восточные шаровары.

– Это Леша ее убил? – тихо спросила Евгения, встречая любопытный взгляд Макара прямо, бесстрастно, спокойно.

– Мы пока разбираемся. А вы его подозреваете? Своего племянника троюродного? – тоже тихо ответил полковник Гущин – тон беседы сразу стал вроде как доверительный, интимный, но...

Клавдий Мамонтов во всей сцене чувствовал некую тайную фальшь. А Макар все разглядывал руки, предплечья Евгении Стальевны. Она плотно запахнула шаль на себе – ветер майский подул холодом.

– Он позвонил мне ночью. Рассказал. Я онемела. Меня как обухом по голове ударило – Аня мертва. – Евгения покачала головой. – Он был не в себе... Леша... сказал, что его долго держали в полиции, сообщил, что это он мать нашел в квартире. Я его сразу спросила, а зачем он приехал? Потому что все прошлые недели...

– И в ее день рождения даже, – подсказал полковник Гущин, – он мать не навещал и не звонил ей в день рождения. У них был конфликт из-за квартиры, как мы выяснили.

– Да, что скрывать. Но это он ее убил? – снова настойчиво спросила Евгения. – Я всегда знала, что добром их вражда, дележ недвижимости не кончится. Я ее предостерегала, советовала – уступи ему, он молодой, он женился, им надо где-то жить с женой, на квартиру они все равно сами не заработают. Отдай ему часть, продай родительскую квартиру, и вы разойдетесь с сыном мирно. Но она меня не слушала. И не из-за сына. Она ненавидела невестку, его избранницу. Такое случается сплошь и рядом. Она не могла ему простить, что он променял ее на девчонку. Так что за ее отказом делить квартиру стояла не жадность, а скорее месть. И это все усугубляло, понимаете?

– Понимаю. – Гущин кивнул. – Вы были близки с Анной? Дружили?

– Мы выросли вместе. Я потеряла в детстве родителей, и мать и отец Ани взяли меня на воспитание. Потом они тоже ушли, и уже Аня заботилась обо мне, она же гораздо старше. Она вышла замуж, родила Лешу, с мужем они быстро разошлись, и он затем тоже умер. И я вышла замуж – за человека намного старше себя. Он владел в те времена молочной фермой в Непряхово, окрестные поля принадлежали ему, целое хозяйство. Сейчас на ферме все по-другому, после смерти супруга оказалось, что дела не так уж и блестящи, долги большие. Мне мало что досталось. Только этот дом.

– Вы экстрасенс, простите? – полюбопытствовал Макар.

– Я шаманка. – Евгения смотрела на них серьезно, с вызовом даже. – Я изучала с юности древние шаманские практики, ездила в Сибирь, на Алтай. Сначала в качестве хобби, но с годами я вникла в практики, в философию древности глубже и ощутила в себе некие способности...

– Общения с духами? В этом же смысл шаманизма? – спросил Макар.

– Способности понимать свойства трав и камней, земли и воды, применять дары природы в качестве лечебных средств. У меня узкая специализация, молодой человек, я не лечу от болезней. Я вывожу клиентов с помощью древних практик из состояния запоя, купирую пьянство. Вы ведь тоже дружите с бутылкой, правда? – Она разглядывала красавца Макара уже с чисто женским любопытством. – У вас розовая кожа на лице, и она шелушится, один из признаков...

Макар криво усмехнулся. Полковник Гущин кашлянул.

– Ваша кузина Анна тоже страдала алкоголизмом, как мы поняли. Вы ее лечили? Выводили из запоя? – Макар не отступал.

– А у нее не было запоев, – просто ответила Евгения. – Да, она часто выпивала. Покупала себе пиво, иногда что-то покрепче. Но она ни разу не пропускала свои рабочие дни. Она могла остановиться, понимаете? Я ей предлагала свою помощь. Но она говорила: «Женя, а что мне еще остается в жизни, кроме пива?» Сейчас многие в апатии, чувство безысходности превалирует в нашей новой столь изменившейся жизни. И многие ищут утешения в бутылке.

– Мы дома у вашей кузины нашли не только пиво, но и многое другое – запас выпивки капитальный, – заметил Клавдий Мамонтов. – И на момент своей гибели она тоже была нетрезвая.

– Лешу всегда бесило, что она пьет. – Евгения скорбно кивнула.

– Вы со своим племянником общались? – уточнил Гущин.

– Редко. И до его женитьбы, а после – так и вообще он надолго пропадал с моих радаров.

– А когда вы общались с Анной в последний раз?

– Несколько дней назад мы разговаривали по телефону.

– На ее день рождения?

– Нет. Я была занята – как снег на голову свалился срочный клиент в очень тяжелом состоянии, и я занималась в тот день только им. Вошла в транс... Обычная практика, чтобы он видел, элемент психологического воздействия, подавления его воли и тяги к водке.

– Клиент тот, который отсюда только что убрался? – уточнил Клавдий Мамонтов. – Актер сериалов? Забыл его фамилию.

- Он часто запивает - снимается сейчас очень мало. Он в депрессии, но платит щедро, - грустно ответила Евгения.

- А каким образом вы купируете запой? - поинтересовался Макар. - Что используете? Отвары, жабью кровь, менструальные выделения?

- Не иронизируйте. - Евгения вновь прямо встретила его взгляд. - Я понижаю процент алкоголя в крови клиента. Многодневный трудоемкий процесс, не быстрый. Как - это мой профессиональный секрет.

- И вы существуете на доходы с шаманской деятельности? - спросил полковник Гущин.

- Да. У меня все законно. Патент. И я плачу налоги.

- Как бы вы охарактеризовали вашего племянника Алексея? - продолжал он спрашивать.

- Обычный парень, звезд с неба не хватал никогда. Окончил колледж, пошел работать в торговый центр - в спортивный магазин, и все шло у него неплохо. Ну а потом он потерял работу... и жену его уволили. Конечно, раздел квартиры в такой ситуации стал для Леши жизненной необходимостью.

- Или же никакого раздела. Наследство после смерти матери, - сказал Клавдий Мамонтов.

Евгения глянула и на него. И плотнее закуталась в кашемировую шаль.

- Вы его арестуете? - спросила она глухо. - Я не стану ничего против него показывать официально у следователя и на суде. Ради памяти Ани не стану выставлять напоказ их грязное семейное белье.

- Ваша Аня била его головой об стену, как нам сообщили соседи, во время недавней драки. - Клавдий Мамонтов не удержался.

- Значит, он ее довел своими требованиями по квартире. У нее сдали нервы. Поймите вы, она его вырастила... Она о нем заботилась много лет. Их отношения

долгое время выглядели нормально. Ане в жизни самой пришлось несладко, она хлебнула – мать-одиночка, денег негусто. Но она справлялась. Для меня они оба – родные люди. Я могу лишь скорбеть, оплакивать то, что произошло... Но это точно он ее убил?

Полковник Гуцин молчал. И Евгения Стальевна Лаврентьева, видимо, истолковала его молчание определенным образом. На ее «черные очи» навернулись слезы. И вот она уже рыдала, всхлипывала, сморкаясь в скомканный бумажный платок, вытащенный из кармана восточных шаровар.

Больше они от нее так ничего и не добились, потому что она никак не могла успокоиться.

В машине по дороге в Чугуногорск они сначала тоже молчали, переваривали разговор с шаманкой. Надо же какая экзотика после кухни с опрокинутой кастрюлькой куриной лапши! А затем Макар спросил:

– А вы обратили внимание на ее руки? У нее на руках шрамы.

– Не просто шрамы, – ответил полковник Гуцин. – А следы ножевых порезов – плохо зажившие еще. Два на правом предплечье и один очень глубокий на левой руке у сгиба локтя. Вид такой у порезов, что давность их нанесения – не больше двух месяцев.

– Могла нанести себе сама в каком-то шаманском ритуале. – Макар покачал головой. – Кто знает, может, она в транс вошла, шаманы в таком состоянии боли не чувствуют. Ей нужна была собственная кровь для какого-то снадобья.

– Она не настоящая шаманка, – возразил полковник Гуцин. – Обманщица она, играет роль перед клиентами. Я вообще не верю ни в каких шаманов с некоторых пор. На фанатика-язычника, а мы с вами их повидали, она уж точно не похожа.

– Если не она сама себя поранила в ритуале ножом, то, выходит, она от кого-то защищалась? Закрывалась руками от ножа? На нее кто-то напал с ножом? – спросил Клавдий Мамонтов. – Вы это хотите оба сказать, да? Только все произошло не вчера, не в квартире ее сестры – я имею в виду шрамы, раны... А гораздо раньше.

– В квартире между ними могло вчера произойти кое-что другое, что закончилось убийством, – быстро отреагировал Макар. – Меня шрамы как током ударили. Что-то здесь не то... И нам она всей правды, конечно, не сказала.

Глава 9

Белая горячка и ДНК

По дороге в Чугуногорск Гушин спросил у Клавдия Мамонтова фамилию актера-пьяницы. Клавдий назвал пару сериалов, где тот снимался, и Макар быстро отыскал информацию в своем смартфоне – Сиваков Антон.

Чугуногорск встретил их не просто неласково, но откровенно враждебно – начальник УВД вместе со следователем метали в сторону Макара – «внештатного сотрудника» – недобрые взгляды. Начальник грубо потребовал, чтобы «гражданское лицо в составе опергруппы выключило свой смартфон». Полковник Гушин кивнул – внутренняя инструкция того требует. Клавдий Мамонтов заметил, что Гушин работает в Чугуногорске абсолютно автономно – общается только с ними, дает лишь самые необходимые указания. Не проводит с личным составом и начальником обычные в расследовании оперативки и совещания. И практически не делится с местными информацией.

– Актера с охраной мы зря отпустили, – признался полковник Гушин. – Переговорить с ними необходимо после допроса шаманки. Клавдий, постарайся прямо сейчас через свои прежние контакты в частной охране установить их данные и фамилии. А я дам задание в Главк номер их «Лексуса» пробить – кому он принадлежит.

Клавдию Мамонтову потребовалось сделать пять телефонных звонков. Он занялся изысканиями. А полковник Гушин позвонил криминалистам насчет экспертиз. Макар разрывался между ними – и то хотел узнать, и другое. Новости пришли одновременно.

– Федор Матвеевич, сначала по поводу дактилоскопии, – объявил начальник экспертно-криминалистического управления. – Изъяли из квартиры

Лаврентьевой достаточно следов пальцев рук. И почти все они принадлежат жертве.

- А другая часть кому? – спросил полковник Гуцин.

- Ее сыну Алексею Лаврентьеву. Его отпечатки на дверной ручке снаружи и внутри. И на плите газовой, на панели.

- На плите? – переспросил Гуцин. – А на кастрюле с лапшой?

- Только жертвы, его матери.

- А на рукоятке ножа есть отпечатки?

- Нет.

- Вообще нет никаких? Даже смазанных?

- Никаких. И ваших нет – вы ведь в резиновых перчатках за нож брались, когда вытаскивали из раны. Так вот, убийца тоже использовал такие перчатки.

- Что с ДНК?

- То же самое. Все, что мы изъяли в квартире, – от волос на полу до соскобов, – принадлежит самой жертве и ее сыну.

- С одеждой ее, с футболкой работали? Убийца встал коленями ей на грудь, придавил ее, когда наносил удар. Должно быть что-то ведь на ее футболке остаться.

- А лапша-то куриная? Она неспроста с плиты сброшена, – вздохнул эксперт. – Я уверен, убийца сделал все специально – сбросил кастрюлю уже после убийства, чтобы уничтожить жидкостью ДНК. Одежда жертвы пропиталась бульоном, правда, к моменту обнаружения трупа часть жидкости успела высохнуть. Мы нашли на футболке следы куриного бульона, и все. Никакой чужеродной ДНК.

– То есть никаких следов присутствия третьего в квартире? – снова уточнил полковник Гуцин.

– По вещдокам выходит, что так. Хотя сами знаете – отсутствие улик еще не факт. Возможно, убийцей является кто-то, нам не известный. Нет отпечатков на рукоятке ножа – раз. И кастрюлька, сброшенная с плиты, – два. Весьма красноречивые детали, правда? Однако большое количество улик все же свидетельствует, что в квартире на момент убийства находились именно мать и сын.

Полковник Гуцин поблагодарил эксперта-криминалиста, попросил прислать по электронной почте копию заключений экспертиз.

Клавдий Мамонтов наконец-то дозвонился одному из охранников актера. И одновременно из Главка доложили – машина «Лексус» зарегистрирована на самого Сивакова Антона, его личная тачка.

– А в чем дело? – вальяжно спросил бодигард у Клавдия Мамонтова, когда тот представился и упомянул, что сам некогда работал в частной охране «личником». – Коллега, хотите наняться к шаманке в охрану? Подработку ищите?

– Мы работаем по делу об убийстве, – сразу осадил его Клавдий Мамонтов. – Мы утром приезжали к Евгении Лаврентьевой, когда вы спешно увезли оттуда своего патрона.

– А, вот вы кто, оказывается. Спасибо, что дали нам улизнуть, – бодигард усмехнулся. – Насчет подработки – не знаю как сейчас, но раньше место было занято.

– Нас интересует один важный вопрос, – гнул свое Клавдий Мамонтов. – Ваш патрон ведь несколько дней проходил лечение у Евгении Лаврентьевой дома, так?

– Запой у него капитальный, коллега.

– Вчера во второй половине дня шаманка куда-то отлучалась из дома? Уезжала? – спросил Клавдий.

– Понятия не имею, – ответил охранник. – Мы же там не постоянно дежурили при нем. Привезли четыре дня назад – у него белая горячка в зените. Шаманка его сначала в подвале – там у нее палата для буйных оборудована – с нашей помощью ремнями привязала к кровати. А нам велела прочь убираться. Сегодня приезжаем утром – он уже тихий, ослаб, но все равно в бреду. Она его опоила чем-то и приказала нам в магазине купить водки, чтобы давать ему понемногу, потому что если сразу все обрубить, у него такая ломка начнется – сердце может не выдержать. Евгения с помощью своих отваров и водки понижала ему процент алкоголя в крови. Она нас вызвала только утром. Мы перед вами за полчаса к ней прибыли.

– Понятно. Но ваш патрон все время находился в доме. Нам надо его допросить срочно.

– Бесполезно. Я ж сказал – у него белая горячка, психоз. Мы его отвезли в Одинцово в частную наркологическую клинику – он и там лежал несколько раз уже. Заперли его врачи наглухо, в клинике все очень строго. Он еще не скоро очухается. И вряд ли он вам что-то потом скажет – он же в бреду валялся на койке в подвале.

Полковник Гущин и Макар в кабинете слушали переговоры Клавдия Мамонтова по громкой связи.

– Значит, вы к Евгении Лаврентьевой в дом на озере и раньше привозили своего патрона? – уточнил Клавдий.

– В марте отправляли к ней, он в штопор сорвался очередной.

– И помогло ему лечение шаманки?

– Помогло, – охранник усмехнулся. – Мы сами с напарником диву дались. Купировала она нашему запой. Он кое-как держался, агентам звонил насчет съемок. А съемок сейчас практически нет. Ну, снова и сорвался от расстройства и безделья.

- Как бы вы охарактеризовали Евгению Лаврентьеву?

- Тертый калач она, баба не промах. Выгоду свою везде видит и никогда не упустит. Раньше брала очень дорого. Сейчас цены сбавила, клиенты ее все в Эмираты утекли. И лицедейка она та еще, притворщица - ее наш Антоша очень хвалил, мол, ей бы в актрисы характерные на сцену, звездой бы стала.

- При вас сестра ее не навещала?

- Сестра? Я даже не знал, что у нее сестра есть.

- Коллега, а вы сказали - насчет охраны, подработки, мол, место уже было занято.

- Ну, как сейчас, я не знаю, а в марте у нее парень дома жил. Всеми делами ее вертел.

- Парень?

- Моложе ее намного.

- Ее племянник Алексей?

- Его звали по-другому. Я не помню только как... Ушлый тип. Точно не племянник, потому что они спали вместе. Любовник он ее. Правда, в этот раз мы его не встретили. Может, уехал куда?

- Во время ритуалов шаманских она себе при вас не наносила повреждений? Ножом руки себе не резала?

- Ножом? Руки? Нет, - охранник опешил. - Зачем себя уродовать? Свечи в подвале зажигала, отвары варила из трав - мы видели, но чтобы калечить себя... Да кто на такое сам пойдет?

Выслушав все внимательно, полковник Гуцин отправился в дежурную часть и приказал привезти в управление Алексея Лаврентьева.

– Что вы миндальничаете, полковник? Задерживать надо фигуранта, – заявил начальник Чугуногорского УВД. – И следователь Следственного комитета так считает – дело в шляпе. Кто ее угробил, как не сынок? За квартиры сейчас убивают сплошь и рядом. Мотив железный. А вы его отпустили, дали им с женой возможность сговориться.

– Они и так сговорились, если он планировал убийство матери, – парировал полковник Гуцин. – Привезите его. Я его лично повторно допрошу. Потом решу сам, как быть.

– Следователь желает присутствовать. Он распорядился. А ваши помощники пусть за дверью поскучают, – зло бросил начальник УВД.

Мало кто позволял себе такой тон с Гуциным. Но пришли новые времена. Чугуногорский полицейский чуял за собой какую-то силу, поэтому открыто шел на конфликт.

Конечно, Клавдий и Макар в такой ситуации не стали нарываться на неприятности. Они ждали во дворе в машине, пока полковник Гуцин в присутствии мрачного испитого следователя СК допрашивал Алексея Лаврентьева, которого доставили прямо со съемной квартиры в Жуковском.

– Как фамилия риелтора, с которым вы готовили продажу квартиры? – спросил Гуцин парня.

Тот выглядел неважно – бледный, встревоженный, осунувшийся.

– Какого еще риелтора?

– Ваша жена упоминала о сделке с риелтором.

– Ну а что такого? Если мы и строили планы продать квартиру и разъехаться с матерью? Что в этом противозаконного?

– Мать ваша категорически возражала. Вплоть до драки с вами в присутствии соседей. Она вас головой о стену била.

- Но я-то ее не трогал!

Полковник Гущин глядел на парня.

- Я ее не убивал! - повысил голос Алексей Лаврентьев.

- Зачем вы сбросили кастрюлю с лапшой на пол на кухне?

- Не сбрасывал я кастрюлю, вы что? Она на полу валялась, когда я на кухню зашел.

- Ваши отпечатки пальцев на газовой плите.

- Какие еще отпечатки... ну, я не помню, возможно, дотронулся до плиты тогда. Я в шоке был, неужели вам неясно? Мать мертвая... ножик торчит из горла... Я просто обалдел!

- Обалдели?

- Я испугался. И я в ступор впал... она же моя мать какая-никакая.

- Подтверждаете, что конфликтовали с матерью по поводу продажи квартиры? - уточнил полковник Гущин.

- Ладно, это правда, вы все равно узнаете.

- Подтверждаете, что мать наносила вам побои?

- Когда она пьяная была, теряла контроль над собой, вела себя как... последняя скотина! - сын выкрикнул фразу жалобно и ненавистно. - Намучился я с ней. Жену мою она матом посылала, а что ей Даша сделала плохого? И даже смертью своей меня мамаша подставила! Вы же меня посадите... вы меня подозреваете... Я сразу понял... Она, алкашка чокнутая, меня смертью своей в тюрьгу упечет пожизненно... Ну что мне делать? Как мне доказать вам, что я невиновен?

Мрачный следователь СК только хмыкнул и глянул на Гущина – ну, сами видите... почти поплыл уже фигурант. Через какое-то время признается.

– Мы вас задерживаем, Алексей, – объявил Лаврентьеву полковник Гущин.

– Я мать не убивал! Риелтору мы с женой звонили, да! И он нашел нам два приличных варианта однушек. И я звонил в тот день матери пять раз – хотел с ней договориться, что мы снова приедем с риелтором, что надо как-то решать вопрос, что жить так дальше невозможно. Но она не отвечала. Я подумал – она нарочно не отвечает, поэтому вечером я поехал к ней сам на автобусе. У риелтора все дни расписаны, он не в состоянии ждать вечно, и варианты с квартирами могли уплыть, поэтому я поехал к матери! – Лаврентьев рассказывал сбивчиво, лихорадочно.

Они слушали.

Затем следователь СК позвонил и вызвал конвой.

Глава 10

Принц воды

Из негостеприимного Чугуногорска вырвались только во второй половине дня – полковник Гущин объявил долгий обеденный перерыв, сжалившись над проголодавшимися Клавдием и Макаром. И они отправились в дом на озере – к детям, хлебосольной горничной Маше и старой гувернантке Вере Павловне. Макар позвонил им и попросил приготовить все вкусно и быстро.

– Дело об убийстве на кухне раскрыто? – спросил он осторожно полковника Гущина, когда они петляли по проселочным дорогам Бронниц.

– Следователь вечером допросит Алексея Лаврентьева и жену его, начнет давить. Если парень признается, то... да, дело, как чугуногорцы говорят, в шляпе. – Гущин отвечал, думая о чем-то, глядя на проплывающие мимо поля.

– А ваши сомнения, Федор Матвеевич? – не отступал Макар.

– Если сын признается в убийстве матери, следователь предъявит ему обвинение. Он и так уверен, что убийца задержан. Косвенных улик против сына немало.

– А что, признание у нас снова становится царицей доказательств? – не унимался Макар. – Я только на вас надеюсь. Больше ни на кого.

– И я, – сказал Клавдий Мамонтов.

Полковник Гуцин лишь невесело усмехнулся.

Дома полковнику Гуцину обрадовались все. И каждый по-своему. Маленькая Лидочка завизжала восторженно и с разбегу кинулась обниматься: от радости она снова перепутала английский с русским: «My dear colonel Theodor!»[4 - Мой дорогой полковник Теодор! (англ.)] Молчаливая Августа, некогда спасенная Гуциным, – конечно, она этого не забыла, несмотря на всю свою «особенность», – подошла чинно и поцеловала Гуцина в щеку. Высший знак ее внимания, она и Макара, отца, целовала редко, была всегда очень сдержанна.

Сашхен, так тот вообще залился смехом как колокольчик, запрыгал на руках гувернантки Веры Павловны, тянулся к Гуцину. Тот взял его на руки. «Иииии! Лю-лююю!» – выдал кудрявый, как купидон, Сашхен.

– Люблю, – перевел Макар. – Федор Матвеевич, любит он вас, шкет.

– И я вас всех люблю! – Полковник Гуцин, держа Сашхена на правой руке, обнял левой Лидочку и Августу. – Как же я соскучился по вам!

Его лицо смягчилось. Клавдий Мамонтов подумал: вот сейчас он настоящий, какой он есть в жизни, все остальное – мрачное, скорбное, жесткое порой и бесстрастное, все это напускное. А здесь он с открытым сердцем и душой.

– И мы все скучали по вам, полковник, – многозначительно выдала гувернантка Вера Павловна. Бледные щеки ее порозовели, очки запотели.

Клавдий Мамонтов отметил, что предупрежденная звонком Макара о приезде Гущина Вера Павловна, до боли похожая на чеховскую англичанку-гувернантку в исполнении Игоря Ильинского в телефильме, принарядилась – облачилась в кремовые брюки и светлый кардиган. И даже нарисовала губы элегантной темно-вишневой помадой. Совершенно небывалое сочетание – помада и гувернантка Вера Павловна!

– Вспоминали с Машей, как вы у нас гостили после госпиталя и мы рыбу с вами ловили на озере, – продолжала Вера Павловна.

– И я часто вспоминал. Вы большую щуку тогда поймали. Можем повторить! Рыбалку. – Полковник Гущин пытался отцепить хваткую ручку Сашхена от своего подбородка. Сашхена привлекала на нем ямочка – она проявилась на подбородке Гущина после того, как он потерял половину своего прежнего веса.

Семидесятилетняя Вера Павловна зарделась. Клавдий Мамонтов знал – перешагнувший пятидесятипятiletний рубеж полковник Гущин сразу при знакомстве произвел на гувернантку сильное впечатление.

Обедать сели все вместе в столовой – как в старые времена. Маша расстаралась, наготовила. Клавдий объелся. Макар от него не отстал. Вера Павловна настойчиво уговаривала полковника Гущина «хотя бы временно отойти от жесткой диеты». Прямо ворковала горлицей. Наблюдательная Лидочка поглядывала на нее и затем переводила взор на отца – мол, чего она? Макар строил ей украдкой строгие глаза. Лидочка прыскала – в свои четыре года она замечала все на свете и делала собственные выводы.

Отобедав, девочки захотели немедленно пойти гулять – солнышко выглянуло из-за туч и припекало. Горничная Маша забрала Сашхена – он весь обед просидел на руках Клавдия и одновременно тянулся к Гущину, не давая им донести ложку супа до рта.

Дети с Машей отправились на прогулку, а взрослые остались. Вера Павловна принесла послеобеденный коньяк и стопки. Чай со сладкими пирогами и вареньем. И эспрессо для полковника Гущина.

Макар философски созерцал бутылку коньяка, как Гущин себе наливает стопку до краев. Макар боролся с собой. Пить или не пить? Вот в чем вопрос!

– Только чай, – велел ему Клавдий.

– Не учите меня жить. Клава, братан, кто пьет чай – отчаётся. – Макар, однако, протянул свою чашку английского фарфора Вере Павловне. – Так неужели дело об убийстве на кухне раскрыто, а?

Полковник Гуцин пожал плечами. Хлопнул коньяка.

Вера Павловна начала рассказывать ему, какие успехи делает Лидочка в русском языке. А по-английски вовсю уже читает детскую книжку греческих мифов. Потом они обсуждают их, и Августа тоже слушает и рисует. Она постоянно рисует! А Лидочка в мифах очень заинтересовалась обитателями рек и морей – царством Нептуна. Кажется, тритонами. И сказки она разные просит читать – классические старые сказки, например про Принца-Жабу.

– Лягушку? – спросил Клавдий Мамонтов. – Которого принцесса в сказке поцеловала? Фу, гадость. Любовь зла...

– В сказке все романтично, хотя и лживо, – Вера Павловна метнула сквозь очки взгляд на слегка осоловевшего после коньяка полковника Гуцина.

– Как ваше здоровье? – спросил он заботливо.

– Прекрасно. Я бодра и полна сил. У нас на озере чудесный воздух и так тихо, покойно. Я каждое утро начала заниматься гимнастикой ушу.

Она пристала к Гуцину со своей гимнастикой ушу – мол, если останетесь на выходные у нас, я вам покажу, это что-то! Недаром китайские пенсионеры все поголовно в парках занимаю...

В столовую как вихрь ворвалась Августа. Они удивленно повернулись к ней. Девочка всплеснула руками. Затем выбежала вон и через минуту вновь появилась – уже из детской с планшетом и листом ватмана, своим рисунком.

Она снова взмахнула руками, лицо ее исказила тревога.

– Принцесса, что стряслось? – спросил Макар.

Августа обогнула овальный обеденный стол и подбежала к Клавдию Мамонтову – он был ее любимчиком, сунула ему в руки свой рисунок.

– Похвастаться хочет перед тобой, – заметил Макар. – А круто она стала рисовать.

Клавдий Мамонтов улыбнулся девочке и глянул на рисунок.

«Озеро. Лодка. Наверное, наше Бельское озеро? И я на своем каноэ? Но нет – лодка, не каноэ. А в лодке стоит некто. Фигура с веслом – до пояса выглядит как обнаженный человек. А ниже пояса толстый хвост, не как у рыбы или водяного, но как у змеи. Тритон из греческих мифов? Но что-то не похоже и на тритона».

Клавдий Мамонтов ощутил внезапный дискомфорт – что-то насторожило его в рисунке Августы. Глаза изображенного существа. Они были ярко-желтого цвета. Только они и выделялись на лице, на котором не было никаких иных черт – ни носа, ни рта. Желтые горящие глаза пересекали перпендикулярные черные линии – так схематично Августа обозначила зрачки. Не человеческие, какие-то иные. Не из нашего мира.

– Классно, Августа. Кто это? Кого ты изобразила? – спросил Клавдий, зная, что Августа не ответит.

Девочка молча, настойчиво тянула его за рукав, махнула и полковнику Гущину.

– Она нас куда-то зовет, – понял Макар. – Детка, да что случилось?

Они все встали из-за стола и вышли на улицу. С открытой террасы – вид на парковую аллею к озеру. В конце аллеи они увидели Машу с прогулочной коляской.

Быстро пошли к ней, Августа буквально тащила Клавдия за собой, крепко вцепившись в его руку.

Горничная Маша переодевала Сашхена в коляске в чистый подгузник. Он сделал важные дела прямо на прогулке и теперь отчаянно брыкался и сучил ногами и руками, лежа на откинутой спинке коляски, отталкивая от себя новый памперс. Маша с головой ушла в их противостояние.

- Где Лидочка? - спросил полковник Гущин.

Маша указала им на берег - Лидочка находилась в поле ее зрения. Она стояла у самой кромки воды. Они подошли.

Метрах в ста справа вдоль берега скользила по озеру самая обычная лодка. А в ней кто-то стоял в полный рост, гребя одним веслом, давая себя Лидочке разглядеть. Второе весло покоилось в лодке.

- Мальчишка, - объявила Вера Павловна, вглядываясь сквозь очки в гребца.

- Подросток, - кивнул полковник Гущин.

Да, в лодке находился подросток, одетый в серые спортивные штаны и худи с капюшоном. У него были светлые волосы. Лицо его на таком расстоянии они не могли рассмотреть. Завидев рядом с Лидочкой взрослых мужчин и гувернантку, гребец начал сразу плавно разворачивать лодку назад.

- Эй, привет! - крикнул ему Макар.

Парень не ответил. Он развернулся и мощными гребками начал уводить лодку прочь, потом сел на весла.

- На нашем озере постоянно плавают на лодках, - заметила Вера Павловна. - На том берегу база гребная олимпийского резерва. Юниоры. Наверное, мальчик один из них. Спортсмен.

Клавдий Мамонтов следил взглядом за гребцом. Тот не пересекал озеро, нет, он плыл вдоль берега, правя в сторону дальнего озерного залива. Берег там местами покрывал густой лес.

– Августа, детка, что ты так встревожилась? – спросил Макар, наклоняясь к старшей дочери.

Августа молчала.

– Лидочка, а ты что нам скажешь? – спросил полковник Гуцин насупившуюся Лидочку – та выглядела расстроенной и недовольной.

– Он вас не захотеть видеть, – ответила она уныло. – Он плыть домой.

– Оказывается, ты его знаешь?

– Конечно, мы с Августа знаем его.

– И как же его зовут?

– Prince of the lake... of water[5 - Принц озера, Принц воды (англ.)].

– Принц воды? – переспросил Макар. – Типа озерного Ланселота, солнышко?

– Нет, Prince Toad[6 - Принц Жаба (англ.)]. Я не знаю, как русский. – Лидочка глянула на отца своими голубыми глазами. – Он уплыть, но не значит уходить. Он здесь.

– Здесь? – Макар удивился.

– Да. Он разный. Он есть тут и прямо сейчас, – убежденно ответила Лидочка.

– Где? – спросил полковник Гуцин.

– Colonel... Пол-ков-ник, я вам сейчас показать, – Лидочка произнесла русское словно «полковник» ради Гуцина с великим усердием.

Тайный друг

Лидочка доверчиво взяла полковника Гущина за руку и повела за собой... к конюшне. Они все двинулись следом. Горничная Маша, закончив переодевать Сашхена, присоединилась к ним – катила коляску. Августа по-прежнему выказывала сильные признаки беспокойства. Чтобы как-то ее поддержать, Клавдий Мамонтов сам крепко взял ее за руку.

Он разглядывал конюшню – строение давно опустело. Когда-то отец Макара держал там лошадей. Но после его смерти и всего, что за этим последовало, Макар лошадей продал. Из конюшни даже убрали весь инвентарь, превратив ее в обычный сарай. На замок ничего не запиралось.

– Лидочка, какое красивое имя – Принц воды, Принц озерный, – заметил спокойно полковник Гущин. – Ваш гость сам себя так назвал?

– Нет. Это я сказать Августе, как в сказка. – Лидочка покачала светловолосой головкой.

– А как зовут мальчика? Как он сам себя назвал? Его имя ты знаешь?

– Toad... Frog[7 - Жаба... лягушка (англ.)...]... принц, вы увидите сейчас. – Лидочка показала на дверь конюшни.

– Маша, вы ходили гулять к конюшне, когда я уезжал в Питер и Иерусалим? – тихо спросил Макар горничную.

– Мы гуляли в парке. Вот и Вера Павловна подтвердит. К конюшне мы не ходили, зачем? Может, девочки сами заглядывали туда? Я никогда их не оставляю без присмотра, – Маша волновалась. – Что вы, Макар, никогда! После того случая с похищением я глаз с детей не спускаю на прогулке. И Вера Павловна тоже.

– Дети всегда в поле нашего зрения, – подтвердила и гувернантка.

Макар промолчал. Он сам распахнул дверь конюшни.

Пусто. Свет закатного солнца пробивается сквозь пыльное окно, и в столбе света пляшут пылинки. Никаких принцев... Никого.

Клавдий Мамонтов с облегчением вздохнул – девчонки напридумали себе. А тот парень на лодке... мальчик... не такой уж он и мальчик, судя по росту и по фигуре – вполне сформировавшийся подросток-старшеклассник. Какой интерес ему общаться с маленькими детьми?

Полковник Гуцин вслед за Лидочкой шагнул в сумрак конюшни. Она уверенно вела его внутрь.

– Ох, там аквариум! – воскликнула гувернантка Вера Павловна.

На крышке деревянного ящика, где раньше хранили корм для лошадей, стоял самый обычный аквариум. Они подошли к нему.

В аквариуме сидела на песке бурая жаба. Клавдий Мамонтов не поверил глазам своим – на голове жабы блестела маленькая золотая корона!

– Ничего себе! Пугало! Живая жаба! – Макар наклонился к аквариуму. – В короне... Лидочка, откуда она у вас?

– Он... не она... принц, – Лидочка положила на стенку аквариума свою ладошку, и жаба увидела – медленно двинулась в ее сторону. – Он быть в лодка, и он быть здесь у нас. Он разный. Он сам нам сказать – я везде и с вами. Он плыть сегодня, чтобы кормить себя сам.

– Сам себя кормить чем? – спросил Макар, распрямляясь.

– Его мясо, – Лидочка указала на стеклянную банку позади аквариума с мертвыми засохшими червями. – Надо другой – и он привозить. Но не захотел с вами. Он только с нами – со мной и с Августа. А вы большие, вы ему не нужно.

– Только с вами он хочет общаться, пацан безымянный, ваш принц. – Полковник Гуцин взял в руки банку с дохлыми червями.

Затем он наклонился к аквариуму и... Лицо его внезапно изменилось.
Удивление... тревога...

- Макар, Клавдий, ну-ка, взгляните сами, я без очков вблизи, - шепнул он.

Они оба тоже наклонились. Жаба-«принц» пялилась на них выпуклыми глазами, не мигая. Золотая корона на голове жабы была вырезана из обычной золотой фольги, аккуратно склеена.

- Вы ничего не замечаете странного? - хрипло спросил полковник Гуцин.

- Нет... а что... ох, вот черт! - Макар не удержался.

И Клавдий, занятый короной и глазами земноводного, тоже разглядел, что так насторожило полковника Гуцина.

Стежки бурых ниток...

Золотая корона из фольги была крепко пришита с двух сторон нитками прямо к бородавкам на голове жабы.

- Жабу вам парень подарил? - уточнил полковник Гуцин, присаживаясь на корточки пред Лидочкой.

Она кивнула.

- А как он здесь оказался, на конюшне? На лодке приплыл?

Лидочка снова кивнула.

- Но по озеру постоянно плавают на лодках! - воскликнула Вера Павловна. - Мы и внимания с Машей не обращаем...

- Когда папа уехал, парень... то есть ваш принц приплыл на лодке и познакомился с вами? - продолжал расспрашивать Лидочку Гуцин.

– Да, мы скучать с Августа. Он плыть, мы ему махать. Ну, просто махать... весело. – Лидочка растерянно смотрела на встревоженные лица взрослых. – Он увидит и на берег к нам.

– Но дети на берегу были всегда с нами, когда мы на озере, – пылко заявила горничная Маша, заслоняя собой коляску с Сашхеном от аквариума и покалеченной жабы.

– Выходит, не всегда, – полковник Гуцин тяжело вздохнул. – Ладно, ничего страшного ведь не случилось. Лидочка, а где ваш принц, этот пират высаживался на берег тайком? Так, что его видели только вы с Августой? Он ведь не единожды к вам наведывался, а несколько раз, аквариум вам подарил.

Лидочка снова взяла его за руку и вывела на улицу из конюшни.

– Завтра утром жабу к ветеринару отвезу, – тихо объявил Макар. – Пусть башку жабью обработает и уберет корону. Надо ж до такого додуматься!

Лидочка повела их по тропинке в траве к берегу озера. Заросли кустов и... маленькая заводь. От нее до конюшни не больше тридцати метров. Клавдий Мамонтов оглянулся на аллею – заводь и кусты заслоняли деревья, если смотреть с аллеи.

– Лидочка, Toad... жаба и есть тот самый ваш тайный друг, про которого ты мне говорила? – спросил Макар.

Лидочка кивнула и глянула на Августу.

– Мой. Августа его не любить.

Клавдий подумал – старшая Августа просто в отличие от маленькой Лидочки хорошо разглядела, что кожа жабы травмирована шитьем. Но сказать этого сестре она не смогла. Вероятно, показывала, да легкомысленная Лидочка внимания не обратила. Или подумала, что так и надо? Но он прогнал от себя подобную мысль. Жестокость... Дети порой ее не замечают не из-за испорченности, а в беззаботности своей.

– Я решил, что друг ненастоящий, воображаемый. Персонаж их любимых мифов. – Макар пожал плечами.

– Кто твои соседи здесь, на озере? – спросил его полковник Гущин.

– Понятия не имею. Никогда соседями не интересовался, – Макар вздохнул.

Гущин глянул на Клавдия Мамонтова:

– А ты что скажешь?

– Не знаю я ничего про соседей, Федор Матвеевич, – признался Клавдий.

– Ты же здесь дело раскрывал – убийство его отца.

– Соседи тогда в поле нашего зрения не попали. – Клавдий Мамонтов глянул на помрачневшего Макара.

Полковник Гущин достал мобильный и позвонил в Бронницы – новому начальнику УВД, спросил, кто живет на берегах Бельского озера в районе заливов.

– Озеро – место тихое, Федор Матвеевич, – ответил начальник УВД. – Ни отелей, ни домов отдыха, ни турбаз, специально чтобы олимпийцам простор дать, где тренироваться. И поселков нет, деревни не близко. Поместье там, которое ваш знакомый, то есть внештатный сотрудник, – бронницкий полицейский усмехнулся, – унаследовал от богатого отца.

– Я в курсе. А кто еще на озере живет? Ближайшие соседи Макара Псалтырникова?

– Один и есть ближайший сосед – Зайцев. Тоже человек весьма обеспеченный, бизнесмен, у него мебельная фабрика в Касьяново. У него хоть и не поместье, но участок большой и особняк.

– У него есть семья, дети?

– А как же? Жена, как я слышал, молодая и сын взрослый от первого брака.

– Взрослый сын? А другие дети есть? Подростки?

– Не в курсе я. Вам справки навести о семье Зайцевых?

– Нет, спасибо. Я сам разберусь.

Полковник Гуцин спрятал мобильный.

– Может, пацан из семьи обслуги Зайцевых? – заметил он. – Поехали навестим соседей прямо сейчас и сами глянем – кто такие и чего им от наших детей нужно. Родительский долг исполним, Макар.

Он так и сказал – «наших детей». Макар глянул на него преданно и благодарно. А Клавдий Мамонтов подумал, что наверняка коньяк ударил полковнику в голову. Раз он так рвется на разборку с соседями.

Однако, чуть поразмыслив, он решил – не только корона из фольги, пришитая по-живому к коже земноводного нитками, заставляет Гуцина испытывать тревогу от сознания, что человек, который способен на такое, тайком входит в контакт с маленькими детьми Макара.

Есть и еще одно важное обстоятельство.

Но, прежде чем делать выводы, надо выяснить, кто на самом деле этот «тайный друг» – жабий принц.

Глава 12

Дом с медной крышей

Дом соседей на озерном заливе располагался всего в трех километрах к северо-востоку. А по воде и того ближе. Дом окружал сплошной высокий забор. В лучах

заката блестела медная крыша, тронутая зеленоватой патиной.

Возле дома стояла «Скорая помощь». Когда полковник Гуцин, Клавдий и Макар подъехали, со двора, отворив калитку, как раз вышли врач и медсестра с каким-то оборудованием в медицинских чемоданах и контейнерах. Макар отметил, что «Скорая» принадлежит дорогой частной клинике в Жуковском, услугами которой когда-то пользовался и его отец.

Врачей провожали двое мужчин – один в годах, восточной внешности, смуглый, явно по виду помощник по хозяйству, в рабочем комбинезоне, и молодой парень лет за двадцать, одетый в синюю толстовку и спортивные брюки. Тайного друга – жабьего принца – он был явно намного старше. Не тот.

– Здравствуйте, это дом Зайцевых? – спросил полковник Гуцин. – Полиция области.

– Полиция? – Парень в толстовке удивился и встревожился. – К нам? Но зачем? Что случилось?

– Полиция приехала! – заорал на весь участок его спутник в комбинезоне, словно оповещая кого-то.

– Хозяин дома? – спросил Гуцин. – Зайцев?

– Папа дома. Но к нему нельзя, он нездоров. А что такое? – Парень оглянулся на участок.

Он выглядел взволнованным. Клавдий Мамонтов оценил его – ничем не примечательная внешность, пепельные волосы, мышиного какого-то цвета, алые прыщи на подбородке и свежий порез на щеке, явно после бритья.

– Нам необходимо поговорить с вашим отцом. Это ваш ближайший сосед – он живет на озере. – Полковник Гуцин кивнул на Макара. – Мы по частному делу приехали, не волнуйтесь. Но неотложному. Нам надо обсудить с вашим отцом и вашей матерью один важный вопрос.

– Моя мать умерла. Мой отец женат вторым браком. Но почему все же полиция?

- Полиция к нам! - снова заполошно оповестил его спутник.

- Полиция? - из глубины участка послышался еще более встревоженный женский голос - надтреснутый какой-то, почти истерический.

Клавдий Мамонтов вздрогнул - интонация... в вопросе словно заключен крик о помощи и одновременно страх...

- У вас есть младший брат? - спросил он парня.

- Адам? Он сын Евы.

- То есть как? - не понял Клавдий Мамонтов.

- Сын жены моего отца.

- А вас самого как звать?

- Василий. - Парень посторонился. - Ну, входите, раз приехали. И раз вы полиция. Что же мы на пороге. Удостоверения ваши можно посмотреть?

Клавдий Мамонтов достал свое, а полковник Гуцин не удосужился даже - вошел в калитку, Макар за ним.

Их взору предстал неухоженный участок - все словно заброшено еще с зимы и осени, не прибрано. Просторный дом из красного кирпича - подобные «замки» с медной крышей строили богатые люди лет двадцать назад.

На кирпичной открытой веранде промелькнул силуэт - словно тень. Клавдий смог лишь понять, что это женщина с распущенными темными волосами в чем-то черном, то ли накидке, то ли хламиде. Мелькнула и пропала. Ей ли принадлежал тот исполненный ужаса и тайных слез голос?

- Сколько вашему младшему лет? - спросил полковник Гуцин.

- Пятнадцать.

– Он плавает на лодке по озеру?

– Я не знаю. Возможно. Лодка у нас есть, и катер был, только он в ремонте, – Василий Зайцев отвечал удивленно и настороженно. – Что все-таки стряслось? Что не так?

– Нам надо переговорить с вашим отцом и его женой, – распорядился полковник Гущин.

– Невозможно. Папа болен. А Ева... она тоже больна.

– Молодой человек, вы глухой? – повторил полковник Гущин бесстрастно. – Мы приехали к вам не чай пить. А по делу, которое касается семьи вашего соседа Макара Псалтырникова. С вами мы пока волнующий нас вопрос не обсуждаем. С вашим младшим мы поговорим позже. Сначала со взрослыми. С родителями.

– Вася, пусть поднимаются ко мне. Что ты споришь с ними? – слышался мужской голос из отворенного на втором этаже «замка» окна.

– Папа, зачем ты встал? Тебе после капельницы лежать необходимо, – громко ответил Василий Зайцев.

– Я лягу потом. А ты проведи гостей ко мне.

– Пошли, – сказал Василий Зайцев. – Но учтите, ему нельзя долго разговаривать. Проявите милосердие – вы, полиция.

Он не пустил их через главный вход и веранду – они обогнули дом и зашли со стороны патио – в большую кухню. Поднялись по винтовой лестнице из коридора – холла, служившего чем-то вроде хозяйственной кладовой – со стеллажами, заставленными моющими средствами, инвентарем для уборки и кухонной посудой.

Обстановка на втором этаже стильная, но тоже запущенная, как и участок, как и сад. Комната, схожая с больничной палатой. Кровать с кронштейнами, монитор на стене, кресло у окна.

На кровати сидел худой как скелет совершенно лысый мужчина в больничной робе и пижамных штанах. Возраст его было трудно определить. Полковник Гуцин лишь глянул на него и притих. Таких он повидал в госпиталях и клиниках, в которых лежал после ковида и ранения, – онкологические больные. Прошедшие химиотерапию и многое другое.

– Простите за вторжение, – сказал он и представился по полной форме, назвал имена и фамилии Макара и Клавдия.

– Соседи наши? Слышал я про поместье Псалтырникова, это ваш покойный отец? – Зайцев-старший обратил к Макару бледное лицо свое – ни кровинки в нем, только глаза с лихорадочным тусклым блеском. – А я Иван Петрович. Извините, что в таком виде затрапезном...

Они все как-то смешались, разом поубавилось гонора и желания идти на конфликт.

– Так какой у вас ко мне вопрос? – спросил Зайцев-старший.

В этот момент в комнату-палату зашла женщина восточного типа в робе медсестры.

– Зейнааб, повremени, пожалуйста, с инъекцией, а? – попросил Зайцев.

– Ждать нельзя, Иван Петрович. Что сейчас доктор сказал? Сразу после капельницы надо сделать укол. – В руке домашней медсестры был шприц. – Зачем вы приехали? – спросила она с раздражением. – Человек болен, а вы лезете.

– Тихо, тихо, не надо за меня заступаться. – Зайцев протянул ей руку, и она сделала укол.

Сверкнула глазами – словно молнией пригвоздила полковника Гуцина – и ушла.

– Итак, коротко, сама суть вопроса. И мы вас больше не побеспокоим. У нашего друга Макара Псалтырниова – вашего соседа – маленькие дети. Две девочки и годовалый сын. Нам стало известно, что ваш младший сын Адам, – полковник

Гущин тщательно подбирал слова, – тайком несколько раз приплывал на лодке в их дом и познакомился с девочками. Им четыре и шесть лет, понимаете? А вашему младшему пятнадцать.

«А может, это и не их сын? – подумал Клавдий Мамонтов. – Вот сейчас выяснится, что мы не туда приехали, зря побеспокоили. А жабий принц совсем не Адам Зайцев».

– Слыхал я, что полиция уже и за детей принялась. – Зайцев криво, горько усмехнулся. – А что не так с сыном? Что он, экстремист или фейки распространяет? Или постит что-то в сетях? Или ваших детей к чему-то склоняет плохому?

– Папа, – Василий, находившийся в комнате и молчавший, попытался вмешаться.

– Тихо, Вася. Раз приехала полиция ко мне, удостоила меня, так сказать, своего внимания и высказывает нам какие-то непонятные претензии, то я тоже молчать не буду. У меня рак печени, последняя стадия, мне жить осталось мало. – Иван Васильевич Зайцев глядел на них почти с вызовом – горьким, страшным вызовом обреченности. – Поэтому я вас, полицию, силовиков, не боюсь. Все, чем мы жили, что мы строили, что наживали, что создавали, о чем пеклись, – все, все обратилось в прах. Наши надежды, планы, наш бизнес, наши мечты, наши капиталы... С кем новое будете создавать, а? Ну вот я, например, потерявший почти все... я умираю от рака... И таких, как я, умирающих не только физически, но и морально, – утративших надежды, утративших сам смысл существования, – полным стало полно. С кем вы останетесь? Сын наш младший вас не устраивает. То, что он с вашими отпрысками общается?

– О том, что вы серьезно больны, мы не знали, иначе бы не побеспокоили вас, – ответил ему полковник Гущин. – Вы сами отец. Можете понять отцовские чувства Макара Псалтырникова, его беспокойство. Ваш младший сын... у него с девочками слишком большая разница в возрасте для общения. Но не это нас обеспокоило. Сама форма – он назвался детям тайным именем, странным каким-то – принц Жаба. Он привез им в подарок покалеченное земноводное. Жабу, которой причинил мучения... боль... Именно поэтому мы решили поговорить с вами.

– Как понять причинил мучения? – спросил Василий Зайцев недоуменно.

– Он нитками пришил к голове земноводного корону из фольги, – ответил ему Клавдий Мамонтов. – Надо же до такого додуматься было! И подарил покалеченную лягушку малолетним детям. Совсем, что ли, того он у вас?

– Не может такого быть. Папа, что за бред? – Василий Зайцев обратился к отцу. – Чтобы Адька такое сделал?!

– Позовите вашего младшего сюда, мы и проясним вопрос, – предложил полковник Гуцин.

– Вася, позови его, – сказал Зайцев-старший.

– Но сначала нам бы хотелось с его матерью, вашей женой, переговорить, – заметил Гуцин.

– Нет, исключено! Папа, да скажи им! – Василий Зайцев глянул на Гуцина в упор – чего, мол, вы добиваетесь, а?

– Позови Адама, – снова велел Зайцев-старший.

Василий раздраженно пожал плечами и ушел.

– Насчет того, что вы говорили нам, не волнуйтесь, – полковник Гуцин помолчал. – Ваше право говорить, что думаете. И мне жаль, что... со здоровьем у вас так все...

– Значит, не накатаете на меня донос? – Зайцев презрительно усмехнулся. – А то пишете – контора пишет. Сажайте меня. Мне уже все равно где умирать – дома ли, в больнице, в тюрьме... Врачи от меня отказались.

В комнату вернулся Василий, с ним зашел высокий светловолосый подросток в черной толстовке с капюшоном. Клавдий и Макар лишь глянули на него и...

– Ты по озеру на лодке плаваешь? – спросил его Зайцев.

– Плаваю, Иван Петрович, гребу, тренирую мускулы, – голос у Адама был уже юношеский, грубоватый, хотя и срывался на мальчишеский дерзкий фальцет.

- К соседям на огонек заплывал, у которых девочки маленькие?

- Малявки две? Мне интересно стало просто - кто там поселился? Дом ведь всю зиму пустовал. Так ради понта я сплавал.

- Не один раз сплавал ты в гости, - возразил полковник Гуцин. - Подарок своим новым маленьким друзьям привез.

- Какой подарок? - Адам глядел на них с усмешкой.

- Жабу в аквариуме.

- Какую еще жабу? - Самая светлая и самая простодушная улыбка осветила лицо подростка - узкое как лезвие ножа, не по-детски красивое.

- С короной на голове, которую ты нитками прямо к коже пришил.

- Какую корону? Иван Петрович, чего они волну гонят на меня? Я понятия не имею, о чем они говорят.

Клавдий Мамонтов подумал - или препираться с ним в присутствии больного раком отчима, или просто оттащить его за уши прямо сейчас. Наглый. Лживый. Смеется над ними. Издевается.

- Не ходи в гости к соседям. Там тебе не рады, - велел Зайцев-старший. - Больше он к вам никогда не придет. И на лодке не приплывет. Инцидент исчерпан?

- Да, - полковник Гуцин кивнул. - Хотелось бы надеяться, что ваш младший слова принял к сведению. Чем ты жабу... иголкой или шилом? Не жалко тебе было живое существо увечить?

- Я не понимаю, о чем вы говорите, - Адам еще светлее улыбнулся. - Все, я свободен?

Он повернулся и исчез за дверь.

– Он никогда больше к вашим детям не придет, спи спокойно, страна, – объявил Зайцев-старший.

– Уходите, папе надо лечь, – Василий буквально выгонял их.

И они покинули мрачную комнату-палату. Спустились по винтовой лестнице в кухню. Адам стоял у навороченной кофеварки и готовил себе капучино.

Макар и Клавдий снова переглянулись – одна и та же мысль посетила их.

– Ну а с собаками что ты сделал? – спросил его тихо Макар.

Глава 13

Адам и Ева

Пятнадцатилетний Адам смотрел на них, а затем протянул приготовленный для себя в кофеварке стакан капучино Макару. Тот не взял.

– Вы все втроем меня спасать бросились, – тихо молвил подросток. – Я такого не забываю. Я ваш должник.

– Ты себя сам спас на холме. Что ты сделал с собаками? – повторил вопрос Макар.

– А что, я должен был позволить им кишки мне выпустить, а потом вас разорвать в клочки? – Адам отпил капучино с самым спокойным и невинным видом.

– Как ты их остановил и заставил убежать? – спросил полковник Гуцин.

– Я им приказал.

– Ты не выкрикивал никаких команд на холме ночью.

– Я просто им велел. Вот так, – мальчишка сделал левой рукой жест – вуаля! Кулак его сжался и разжался.

На ладони его появилась муха. Секунду она медлила, затем взлетела.

Клавдий Мамонтов не заметил, как и остальные, – как парень поймал муху на лету. Более того – на чисто убранной кухне (в отличие от верхнего этажа здесь царил порядок) не жужжали мухи. Да и на улице – май выдался холодным – мух пока не видно, не слышно.

– Повелитель мух, повелитель псов. Адские твари те алабаи, правда? – усмехнулся Адам.

– А жаба? – спросил Макар.

– Слушай, это ты, что ли, папаша малявок? – пятнадцатилетний подросток обратился к нему по-свойски и развязно. – По виду ты молодой еще. И что вам жаба далась? Ничего я с ней не делал, ясно вам?

– А то мы слепые, – парировал Клавдий Мамонтов. Его Адам удивлял и настораживал все больше и больше.

– Я греб на лодке, гляжу, малявки на берегу прыгают, мне машут. Мне стало интересно, кто в особняке, где мужика богатого отравили, снова поселился. Я пристал к берегу, – Адам словно сказку им «сказывал». – Малявки чудные – одна вроде как иностранка, по-русски еле говорит, шепелявит. Вторая вообще немая. Она ведь у тебя немая, папаша? Ну, ущербная. Но милые они. Младшая малявка мне по-английски: «Вы, мол, кто? Принц воды?» А я ей: «Да нет, какой я принц? Жабеныш местный...» А она свое твердит: «Принц, принц». Я ей: «Ладно – как в сказке, принц Жаба».

– По-английски с моей дочерью беседовал? – уточнил Макар.

– У меня в гимназии английский и французский хорошо шел. – Адам улыбался им. – Малявки меня растрогали своей добротой и непосредственностью. Так меня приняли тепло. Я решил сделать им в следующий раз подарок. Где бы я взял жабу? На нашем озере их нет. Не болото ведь, озеро. Но у «садыков»...

– У кого? – спросил полковник Гуцин.

– У мигрантов с рынка все можно достать. Хочешь, кальян покурить, хочешь, чего покрепче. Собачьи бои они подпольно устраивают – зачем им алабаи такие? Они на них бабло гребут. Алабаи в загоне до смерти грызутся, а «садыки» на них ставки делают. И петушиные бои там... Я сам ходил... Когда один петух другого шпорой в кровь сечет, брюхо распарывает... У них даже богомолы в банке сражаются – а все пялятся, как богомол богомолу башку клешней – кирдык! Я на рынок к «садыку» одному пришел – тот с золотыми зубами, значит, пахан у них, – я ему: «Мне жаба нужна живая в террариуме. И хорошо бы ей корону на головку из фольги золотой». Он мне: «Сделаем, бакшиш давай». Я думал, они корону жабе приклеят «Моментом». Я не знал, что они ее нитками пришьют, честное слово!

– Ума-то у тебя хватило такое малолеткам дарить? – спросил Клавдий Мамонтов. – Ты вон какой продвинутый, креативный.

– Да я клянусь, не заметил я ничего! Малявки тоже не врубились, – просто ответил ему Адам. – Они так обрадовались. Я сказал – вот он я, буду теперь всегда с вами. А то они расстраивались, когда я уплывал, покидал их. Они такие маленькие, одинокие. Младшая мне поведала, что мама умерла...

Полковник Гуцин глянул на Макара – тот побледнел. Значит, так он объяснил дочкам, почему матери Меланьи с ними нет. Не сказал, что та сидит в тюрьме...

– Я проникся к малявке. Вторая вообще ни бэ ни мэ – немая с детства, калека. Тоже жалко ее. Я ничего плохого не хотел, честно, только подбодрить их. Без родителей они ж мне сиротами показались, – повествовал подросток.

– С ними оставались гувернантка и горничная, – ответил Макар, он словно оправдывался теперь перед мальчишкой.

– А, ну конечно, ты папаша деловой. С детьми никто не считается. Со мной, например, тоже никто раньше не считался. Зато теперь...

– И что теперь? – спросил полковник Гуцин вроде как даже с интересом неподдельным.

- Ничего. Как поставишь себя, так и заживешь.

- Ты мог бы в гости к нам приходиться как нормальный человек - не тайком, когда мы все дома, - объявил Макар.

- Нет, гран мерси, на хрен, - Адам усмехнулся. - Теперь уж точно не приплыву.

- Для чего ты в павильоне в ту ночь разбил окно? - спросил полковник Гуцин. - Своровать хотел что-то в «Восточных сладостях»? Залезть?

- Привычки не имею воровать. И сладкого я не ем. Какие сладости у «садыков»? Зараза одна, холера. По слухам, они вообще терьяк... ну, опий в этот свой рахат-лукум закатывают и нарикам толкают. Вы бы проверили. А вдруг слухи верные?

- Так зачем же ты разбил окно? Раз воровать ничего не собирался? Псов страшных выпустил?

Адам смотрел на них. Потом усмехнулся, пожал плечами.

- Так, настроение накатило - потусить.

- И часто ты ночами из дома уходишь - «потусить»?

- Временами. Как у гения Пушкина написано в «Пире во время чумы»: «дома у нас печальны, юность любит радость...» Сейчас такая чума... тоска, жесьть кругом. Разве вы этого не ощущаете?

Странное впечатление осталось у них от разговора с ним. А наблюдательный Клавдий Мамонтов, когда они покидали кухню, заметил, что в кладовой с винтовой лестницей стоял старший сын Зайцева - Василий. Он слышал их разговор. Он подслушивал? Или все получилось случайно?

Но еще больший сюрприз ждал их чуть позже.

- Он не воровать лез в рыночный павильон, Федор Матвеевич, - объявил Макар, когда они садились в машину за воротами дома с медной крышей. - Он все на рынке отлично знает - сам же сказал, что он бывал там не раз и всю

подноготную уже успел изучить в свои пятнадцать. Он в курсе, что псов в павильоне на ночь запирали. Он хотел устроить большой раскарданс.

- Посостязаться в беге с собаками по полям? – Гущин хмурился.

- Он желал спровоцировать кровавое столкновение на рынке между национальными общинами. Я уверен в этом.

Клавдий глянул на Макара. «Ну, куда загнул... Воображение твое буйное. Чтобы мальчишка до такого додумался...»

- Спровоцировать драку мигрантов? Но как он собак-то отпугнул? Мы так и не выяснили, – ответил Гущин.

- Оттаскал бы я жабеныша за уши. – Клавдий Мамонтов явно сожалел теперь об упущенном шансе. – Что он насчет девочек плел! Макара, не бери в голову. Не одинокие они у тебя и не брошенные. Делаешь ты для них столько, сколько не всякий отец-одиночка смог бы. Ты их оставил тогда, но ты не на гулянку в кабак отправился, а хоронить старика-адвоката за тридевять земель. И Августа – она не ущербная и не калека. Она особенная. У нее талант художника, а не болтушки. И, может, она еще заговорит.

В густеющих вечерних сумерках, наливавшихся тьмой, они доехали по бетонке до развилки и повернули в поля, так что дом Зайцева перестал быть виден.

На обочине в свете фар возникла фигура в черном. Женщина с распущенными темными волосами в льняной дорожке черной шали и льняных брюках. В запыленных домашних бабушках из черных кружев. Она подняла руку, останавливая их, а потом ринулась прямо к внедорожнику, когда он еще даже и не затормозил.

- Вы правда полиция? – спросила она громко. – Я не хотела в доме с вами говорить... я ушла и ждала здесь, одна ведь у нас дорога.

Голос ее – тот самый... что поразил Клавдия Мамонтова еще в доме. Не просто волнение, но плохо подавляемый страх в интонации... ужас... истерика.

Они вышли. На вид женщине можно было дать лет тридцать шесть, и, возможно, прежде она блистала энергичной яркой южной красотой – темноволосая, стройная, высокая. Но сейчас вид ее поражал неухоженностью, затравленностью, пожирающим ее внутренним беспокойством. Взгляд странный, бегущий... ранние морщины на лбу и у глаз, мешки под глазами. В темных густых волосах – нити седины.

– Вы – полиция? – повторила она настойчиво и словно умоляюще протянула к ним худые руки.

– Полковник Гуцин, это мои коллеги, – полковник не стал вдаваться в подробности. – С кем имею честь разговаривать?

Конечно, они сразу догадались – вопрос риторический.

– Я Ева Лунева, жена Ивана Петровича. Я вас ждала здесь для разговора. Не хотела в доме. Они все... они разозлятся. Они считают меня сумасшедшей.

– Вы мать Адама? – спросил Клавдий Мамонтов.

– Он не мой сын.

Они опешили.

– То есть как не ваш? А чей же? – спросил полковник Гуцин.

– Они вам скажут – Адам сын Евы. Но такого ведь просто быть не может, не библейский казус. – Странная женщина взмахнула рукой. – Может, я и сама когда-то так считала прежде, насчет кровных уз... Пока глаза мои не открылись. Он не мой сын. Я не знаю, кто он. Кто скрывается в его обличье.

– Как понять, кто скрывается? – полковник Гуцин озадачивался ситуацией все больше.

– Он чуть не убил меня еще при родах. Но тогда я ничего не поняла, дура наивная, молодая. Он и потом меня едва не убил... Но в молодости я отказывалась верить фактам – я же нормальный взрослый человек, я не

пациентка дурдома, я столько работала, добивалась успехов... А сейчас мои глаза открылись. Он не мой сын. Он хочет со мной покончить. С отчимом он уже... почти... наверное...

– Если не ваш сын, так кто же тогда пятнадцатилетний Адам Зайцев или Лунев? У него отчима фамилия или ваша?

Ева не мигая смотрела на полковника Гущина, медленно перевела взгляд на Клавдия, затем на молчавшего Макара.

– Фамилии не важны, имена тоже. Не верьте ни одному его слову – он отец лжи. И не верьте нашим в доме, они не понимают. Считают меня свихнувшейся идиоткой. К психиатру все посылают, только я не пойду к психиатру. Тот, кто выдает себя за моего якобы сына, – не сын мне. Личина такая у него, маска. Он глаза так всем отводит – мужу моему, сводному брату, нашей прислуге и всем другим... И матери моей покойной, и всем в гимназии прежней... В здешней школе они, наверное, чего-то испугались, почуяли... отдали его нам на домашнее обучение. И еще... самое главное... Только дайте обещание, что вы защитите меня, вы, полиция! Защитите меня от него! Ведь он уже пытался меня убить.

– Вы, пожалуйста, успокойтесь, – полковник Гущин постарался говорить мягко. – Расскажите, что случилось с вами и Адамом?

– Нет, сейчас не расскажу. Рано пока. Вы мне тоже не поверите. Я по глазам вашим вижу. – Ева оглядывала их с горестной настороженностью. – И вы меня уже безумной сочли. Шизофреничкой. Вы со стороны сначала сами некие факты узнайте.

– Какие именно факты? – спросил полковник Гущин, доставая из кармана служебную визитку и протягивая Еве.

– Здесь ведь пропадали, погибали дети? – спросила Ева.

Полковник Гущин отдал ей визитку.

– Я слышала ваш разговор с Васей – у вас в доме на озере тоже малыши. Глаз с них не спускайте. А отродью... не верьте. Ни единому его слову.

– Не верить Адаму, вашему сыну? – спросил Макар.

– Он не мой сын! – истерически злобно заорала Ева прямо ему в лицо. – Ты дурак набитый! Чайльд Гарольд долбаный, из Англии вернувшийся в родные пенаты! Мало тебе, что отца твоего отравили, что всем здесь в Бронницах прекрасно известно! Слушай, что я тебе говорю! Иначе и детей лишишься. И вы слушайте, полиция... – Она выдала чудовищное матерное ругательство, оскорбляя полицию. – Проверяйте то, что уже случилось. А когда ум ваш созреет, прояснится, мы снова поговорим.

– Успокойтесь, не волнуйтесь так. – Полковник Гуцин не знал, как ее урезонить, он явно склонялся к мысли, что перед ними психически больная. – Я дал вам все свои контакты – хоть ночью, хоть днем мне звоните. Лично приеду. Не дам вас никому в обиду. Всегда мы вас защитим, ничего не бойтесь. Ни о чем не тревожьтесь.

– Прямо сражаете, гнобите меня своей добротой. – Ева опустила глаза. Визитку она держала в руке. – Ну и ... с вами!

Оскорбив их матерно на прощание, она шагнула к опушке и... словно растворилась в ночной тьме леса.

– Больная баба, – констатировал Клавдий Мамонтов в машине. – Муж умирает от рака, она в стрессе, крыша поехала. Все признаки острого психоза налицо – за собой не следит, сквернословит, не может удержать себя.

– Она Макара назвала Чайльд Гарольдом. – Полковник Гуцин о чем-то снова думал. – Хорошо образованна. И парень... ее отпрыск... он тоже не по летам взрослый и начитанный.

– Я прослежу, чтобы соседи полоумные не то чтобы в гости, а на пушечный выстрел к твоему дому не подходили. К детям, – пообещал Клавдий Макару – тот тоже о чем-то думал.

– Ты сначала ответь мне на один вопрос. – Полковник Гущин смотрел с заднего сиденья в зеркало на Клавдия. – Здесь, в Бронницах, пропадали дети?

– Нет, что вы, Федор Матвеевич, мы на озере месяц живем – ничего не слышно в округе. А прошлым летом вы сами здесь сколько гостили. Не было ничего, – взволнованно ответил за друга Макар. – И раньше тоже ничего такого. При отце.

– Клавдий, что молчишь? – спросил полковник Гущин.

– В начале апреля, – коротко ответил Клавдий Мамонтов. – Ты, братан, с семьей сюда еще не переехал. Я всю ту неделю работал в Балашихе, где вооруженные задержания шли по ворам в законе, меня на подмогу отправили. Вернулся, когда здесь, в Бронницах, уже все закончилось – поиски. Подробностей я не знаю. Известно мне лишь, что ребенок пропал и его скоро нашли. Мертвым. И сочли все несчастным случаем.

– Завтра в УВД поднимем материалы из архива, – решил Гущин. – Надо понять, что произошло.

Глава 14

Коридор

Вечер они провели вместе с детьми. Клавдий Мамонтов вспомнил слова Макара о том, что теперь он живет только ради них. И Клавдий понял, о чем он. Однако дети бывают разные. Они в итоге вырастают, взрослеют... Пример совсем иных отношений между детьми и родителями они видели только что в доме под медной крышей.

Но у Макара они играли и возились с малышами в детской и в гостиной – сами как пацаны, отдыхая душой от тревог и забот. Полковник Гущин имел краткую беседу с гувернанткой Верой Павловной – он отвел ее к окну и взял за обе руки. Старая гувернантка зарделась, очки ее сползли на кончик носа, она смотрела на полковника Гущина так, что Макар сгреб Лидочку и Августу в охапку, отвлекая их внимание от этой колоритной парочки. Однако романтизм в заявлении

полковника Гущина гувернантке отсутствовал – напротив, царила суровая проза. Держа ее за обе руки, он настойчиво и проникновенно убеждал ее удвоить, утроить, удесяттерить внимание – ее и Машино – в отношении детей, потому что... Обстоятельства какие-то непонятные, темные, а мы уже с вами, Вера Павловна, помня о похищении Августы, научены горьким опытом. Дети ведь что? Они как вода, которая «всегда дырочку найдет». Несмотря на вашу заботу и неусыпный контроль, у девочек как-то получалось отлучаться к озеру, чтобы общаться с незванным гостем и видеться с ним на конюшне. А гость – парень странный, если не сказать больше. Так что надо быть очень, очень внимательными вам с Машей, когда Макар отсутствует и нас с Клавдием нет здесь, понимаете?

Вера Павловна срывающимся фальцетом пообещала – она, мол, всегда... костыми ляжет... можете положиться, Федор Матвеевич! И Маша пылко подтвердила. Макар, скорчив на лице самую строгую мину, объявил Лидочке и Августе «час отца» и стал внушать: никогда больше не ходите тайком одни к озеру, к той заводи в кустах, к конюшне. Никогда не разговаривайте с «жабьим принцем», что бы он ни обещал, как бы ни просил. Августа восприняла слова отца спокойно, даже удовлетворенно. А вот Лидочка насупилась и топнула ногой. В голубых ее глазках сверкнули слезы. Она заявила отцу, что Toad – жаба – ее друг. На что Макар ответил, что жабу в аквариуме он отвезет ветеринару, а мальчишку, если тот явится снова, повесит за ноги на сосне как Пиноккио. Выбирай, мое солнышко, сама ему судьбу. Лидочка сверкнула в сторону отца глазами уже с гневом. И отвернулась. Заплакала, уповая теперь на жалость.

Клавдий Мамонтов хотел сам ее успокоить, но Макар поднял руку – не вмешивайся, братан. Воспитание строптивых детей дело неблагодарное.

Клавдий занялся игрой с Сашхеном – в кубики на ковре гостиной у камина. Сашхен уже твердо держался на ножках, ходил, блуждал, даже пытался бегать, налетая на ноги Клавдия и визжа от восторга. Он знал уже немало слов, однако не утруждал себя их полным произношением, сконцентрировавшись на первых слогах. Так, Макара он именовал «пааа», Клавдия «клааа», однако порой тоже «пааа». Гувернантка объясняла, что так малыш «высказывает неосознанное желание считать и Клавдия своим отцом». Гувернантку Сашхен именовал традиционно «баааа». И полковник Гущин вежливо заметил Вере Павловне, что «совсем скоро Александр начнет называть вас по имени-отчеству чинно-благородно». Маше-горничной достались от Сашхена лишь шипящие буквы «Шшш». Сестренка он вообще никак не обозначил словесно, лишь корчил

рожицы, когда они его тормозили. Самое сложное имя досталось от него, конечно, полковнику Гущину. «Лююю», к которому он прибавлял эпитеты «Иии! Аххх!» И Макар переводил «люблю тебя», говоря, что до слова «деее» – «деда» Александерчик еще как-то «не доехал».

Признаваясь в любви, Сашхен нещадно колотил ладошками, как по тамтаму, по блестящей в свете ламп лысине полковника и хватал цепкими пальчиками его за уши и за подбородок, восхищаясь мужественной ямкой, обозначившейся у Гущина, как только тот похудел.

А рыцарское сердце Клавдия Мамонтова таяло, когда Сашхен обнимал и его и льнул к нему, таяло, даже когда тот предательским жестом озорника рушил всю высокую пирамидку, терпеливо сложенную Клавдием из разноцветных кубиков! Сердце Клавдия исходило нежностью... И все темное, тайное, пока непонятное и страшное – даже гибель пропавшего ребенка и нераскрытое убийство на кухне в Чугуногорске и безумие матери в отношении сына-подростка в доме под медной крышей – сразу отходило на второй план.

Надолго ли?

Утром за кофе полковник Гущин снова хватил залпом рюмку коньяка... И запил стаканом кефира. Больше он есть ничего не стал, несмотря на уговоры Маши и Веры Павловны. Сразу позвонил в Чугуногорск следователю СК – тот нехотя буркнул, что на допросе Алексей Лаврентьев в убийстве матери не признался.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Подробно об этом рассказано в романе Т. Степановой «Перекресток трех дорог».

2

Принц лягушка (англ.).

3

Подробно об этом рассказано в романе Т. Степановой «Циклоп и нимфа».

4

Мой дорогой полковник Теодор! (англ.).

5

Принц озера, Принц воды (англ.).

6

Принц Жаба (англ.).

Жаба... лягушка (англ.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/tatyana-stepanova/koridor-zatmeniy>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)